

К84(2=481.2)6-4
И48

Сергей Мельников

Гай Марий

Кровавые страницы
истории

на данную пациент
от авторе
с пожеланием

всего, здоровья
и благополучия

21.05.2022

К84(2=411.2)6-4
М48

Сергей Мельников

Гай Марий

Кровавые страницы истории

9001036769

2041
КР

МБУК ЦБС г.Сургут
Инв № <u>19012041</u>
Библиотека <u>КР</u>

Издательские решения

По лицензии Ridero

2018

УДК 82-3
ББК 84-4
М48

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Мельников Сергей

М48

Гай Марий : Кровавые страницы истории / Сергей Мельников. — [б. м.] : Издательские решения, 2018. — 92 с. — ISBN 978-5-4485-0200-2

В книге описываются события, происходящие в Древнем Риме последних лет республики. Гай Марий, выдающийся политик, бывший семь раз консулом, рвётся к единоличной власти, не останавливаясь ни перед какими препятствиями, уничтожая своих противников. Из национального героя он превращается в убийцу. В книге показана губительная роль безграничной власти одного человека, как для личности, так и для государства.

**УДК 82-3
ББК 84-4**

18+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4485-0200-2

© Сергей Мельников, 2018

«Немедленно слезай, негодник!», — кричала своему сыну Гай Марию его мать, всеми уважаемая матрона в Арпине¹ Фульциния. Потрясая пухлыми руками, задыхаясь от жары и тучности, она грозилась мальчику за то, что он залез на высокое дерево, взглянуть на гнездо орла. — «Ты совсем перестал слушаться мать, вот подожди, слезешь, я надеру тебе уши».

Озорник только весело смеялся, знал, что неповоротливой матери ни когда не догнать юркого сорванца. Мать всё продолжала грозить: «Отец тебя выпорет». Этой угроза он не боялся, знал, что за такие проделки ему от отца, которого звали так же, Гай Марий, не попадёт.

Когда ещё в пять лет, Гай Марий, так же залезая на дерево, сорвался, упал, и заплакал от боли, отец наказал его розгами. Не за то, что он полез на дерево, за то, что расплакался. Суровый и молчаливый Гай Марий старший объяснил, что в их роду никогда не было плакса, и что он не допустит, что бы его сын рос слабым и слезливым.

Мать, стоявшая внизу, всё не унималась: «Если ты не слезешь немедленно, я отправлю тебя обратно в Цереату²пасти коз».

Это совсем не устраивала мальчишку. Проводить время в унылой деревенской тиши ему совсем не хотелось. В Арпине было гораздо веселей, здесь он был вожак среди местной ребятни. Мальчишки постарше пытались побить его, но Гай Марий смело бросался на них. Дело порой заканчивалось тем, что ему в кровь разбивали лицо, он не сдавался, и трогать его опасались.

Он достиг гнезда, и с удивлением обнаружил там птенцов, радостно закричал: «Мама, тут сеть орлов!».

Гай Марий с трудом открыл глаза. Над ним надоедливо звенел комар. Он всегда ненавидел жуков, пауков, скорпионов,

¹ Арпина — древний город в долине реки Лирус, основанный племенем вольсков.

² Цереата — деревушка под Арпином, где родился Гай Марий

комаров и других насекомых. Вот и сейчас этот кровосос разбудил его, прервав сон, в котором он был беззаботен и счастлив.

Гай Марий приподнялся и сел. Всё тело его ныло от усталости, на душе было тяжело, последние дни выдались тревожными.

Солнце робко выглянуло из-за горизонта, осветив верхушки чахлых деревьев, росших по берегам болотистой реки Лирис. От воды поднимался туман, медленно заполняя низину, по которой пролегало русло реки. Гай Марий снова лёг, и то ли воспоминания, то ли тяжкий сон снова овладели им.

«Вы, трусливые римские собаки, вам было мало того поразения, что мы вам нанесли, вы опять пришли сюда испытать силу оружия и отвагу города Нуманция¹? Как и в прошлый раз, вы уйдёте обратно, трусливо поджав свои собачьи хвосты. Кто из вас может выйти, и сразиться со мной в честном бою? Я слышу, или мне кажется, как стучат от страха ваши гнилые зубы?», — огромный, широкоплечий кельтербериец² стоял перед римским лагерем, вызывая на бой желающего сразиться с ним римского legionera.

Командующий легионом, наблюдавший за происходящим со стены лагеря, легат Спицион Эмилиан спросил стоявшего рядом центуриона:

— Что, у нас действительно нет желающих, сразиться с этим варваром?

— Наверняка есть. Но, они дисциплинированные воины, ждут твоего приказа.

— Ты, не хочешь с ним биться? — Спицион Эмилиан хитро взглянул на центуриона.

Тот немного замялся:

— Ну, если ты прикажешь. Хотя, вряд ли, я смогу его побе-

¹ Нуманция — разрушенный войсками римского полководца Спициона Эмилиана город в Испании. Первая попытка взять город была неудачна.

² Кельтербериец — представитель группы племён в центральной и северной части Испании и Португалии.

дить.

— Тогда чего стоишь? Передай, кто желает, пусть выйдет, защитит честь римского оружия.

Ворота лагеря распахнулись, и навстречу кельтерберийцу вышел молодой воин. На его суровом, спокойном лице не было и тени страха. Он был почти одинакового роста со своим противником, но гораздо уже в плечах. Шёл легко, словно скользил над землёй. Вооружён был так же, как и все легионеры: в левой руке держал овальный, слегка изогнутый щит skutum. В правой руке у него был короткий меч gladius. При ходьбе тихонько позвякивала кольчуга, доходящая ему до бёдер. Шлем, с небольшим козырьком на лбу ослепительно сиял на солнце. Все приготовились к долгому смертельному поединку, но бой закончился очень быстро.

Римский воин подошёл к кельтерберу, и сказал:

— Я готов.

— А, щенок, — кельтербер засмеялся, — что во всей вашей своре не нашлось более опытного пса, что мне тут предложили сражаться с недоноском. Впрочем, ты сам выбрал свою смерть, умирать ты будешь долго и мучительно. Я выколю тебе глаза, прежде чем отрежу голову.

— Мы начнём сражаться или ты так, и будешь болтать, как баба?

— Да я тебя, — кельтербер замахнулся мечом сверху вниз, намереваясь рассечь этого наглеца пополам. Но, легионер отступил чуть в сторону, подставил щит под удар, так, что бы меч его противника слегка скользнул по нему. Затем сделал быстрый шаг вперёд и нанёс колющий удар сверху вниз в шею, перерезав сонную артерию. Струя горячей алой крови ударила из раны. Кельтербер уронил свой меч, удивлённо посмотрел на противника, через мгновение взгляд его затуманился. Он опустился на одно колено. Ему не хотелось умирать побеждённым, попытался встать, продолжить бой. Жизнь покидала его вместе с кровью, вытекавшей толчками из разрезанной артерии. Римлянин ударом ноги в лицо свалил умирающего кельтербера

на землю, тот уже не поднялся. Наклонившись над поверженным врагом, победитель снял с него, в качестве трофея, золотые украшения.

Со стены Нуманции донёлся отчаянный женский крик, и зловещая тишина нависла над городом. В римском лагере были слышны возгласы восхищения и радости.

Сам Спицион Эмилиан встретил легионера:

— Как тебя звать?

— Гай Марий.

— Ты одержал блестящую победу, будешь награждён.

Воин не выразил по этому радости, он всё так же был спокоен, как и перед схваткой.

— Что ты думаешь об этой войне? — Спицион Эмилиан всегда был прост в общении с рядовыми легионерами, часто спрашивал их мнение по разным вопросам.

— Я думаю, что мы слишком долго возимся под стенами этого города. Причиной всего этого плохая выучка наших солдат.

— Ты слышал это, Децим Тулий? — Спицион Эмилиан громко и раскатисто рассмеялся, обращаясь к стоящему позади него военному трибуну¹, — оказывается, наши легионеры не хороши. Меня тут посетила мысль, отдам я одну из центурий² под твоё командование. И посмотрю, через какое время они взбунтуются, выполняя твои требования.

— Ты разрешишь их обучать военному делу, как я желаю?

— Конечно, можешь загонять их, как вьючных мулов, посмотри, что из этого получится.

Через месяц Спицион Эмилиан приказал построить легион, что зачитать указ, пришедший из Рима. Он обратил внимания, что не хватает одной центурии.

— Где эта центурия, кто ею командует? — раздражённо спросил Спицион Эмилиан префекта лагеря³.

¹ Военный трибун — одна из военных должностей в легионе.

² Центурия — воинское подразделение в легионе из ста легионеров.

— Отсутствует центурия под командованием Гая Мария.

— Я что, давал разрешение кому то покидать лагерь?

— Ты же сам разрешил делать ему с центурией всё, что он захочет. Каждые три дня Гай Марий выводит центурию из лагеря, и совершает с ней переходы длиной в двадцать миль в полном вооружении. Скоро он должен уже возвратиться.

— Я бы хотел на них взглянуть, — Спицион Эмилий был явно заинтересован.

— Видите пыль, это они возвращаются.

— Прикажи построить центурию на форуме¹.

Центурия, под командованием Гая Мария замерла в строю. Спицион Эмилий внимательно всматривался в лица легионеров, и не заметил следов усталости.

— Они действительно прошагали двадцать миль?

— Да, — подтвердил Гай Марий, — десять в одну сторону, десять обратно.

Легат ещё раз прошёл вдоль строя. Легионеры стояли неподвижно, в своих тяжёлых кольчугах, без шлемов, которые крепились на груди на особом крючке. За спиной у каждого в кожаном чехле находился большой овальный щит. На левом плече они держали раздвоенную палку с различными вещами. Возле правого бедра, на перевези, подвешены короткие мечи — гладиусы, слева, на поясе боевой кинжал. В правой руке у них были два копыя пилумы.

— Это ты сам придумал эту палку? Что там на неё навешано?

— Так легче переносить грузы, да и в случае необходимости можно всё это бросить на землю, руки будут свободны. Туда я приказал повесить сундучок с личными вещами, сетка для провианта на три дня, горшок с ложкой, мех для воды.

— Они не устали и готовы в бой?

— Если идти особым шагом, которому ещё в детстве, обучил

³ Префект лагеря — одна из высших должностей в легионе.

¹ Форум — главная площадь в римском лагере легионеров.

меня отец, усталости не будет.

— Покажи, как они выполняют воинские упражнения.

По приказу Гая Мария центурия прикрываясь щитами, выставив мечи, двинулась вперёд. Каждый её шаг был ровен и точен, это была сплошная стена, прикрытая щитами, ошетилившаяся мечами.

— Что же, не плохо, совсем не плохо. И это после такого марша. Сегодня вечером я изложу новый план осады Нуманции. Должны присутствовать все командиры центурий.

Новый план был прост, хотя и трудоёмок. Он предполагал поставить ещё семь лагерей, отрезать жителям города доступ к реке, заставить сдаться под угрозой жажды. Все присутствующие одобрили эти предложения. После обсуждения начался пир.

Один центурион решил польстить Эмилиану Спициону:

— Ты великий вождь и защитник римского народа! Не скоро ещё в Риме родится такой человек.

Уже хорошо захмелевший легат иронично улыбнулся:

— Не знаю. Может скоро и появится. Вот хотя бы он, — Спицион Эмилиан указал на Гая Мария, — кстати, всё хочу спросить, ты своих легионеров в полном вооружении гоняешь на дальние расстояния. Почему они ещё не взбунтовались против тебя, не подали ни одной жалобы?

— Всё просто, я ведь только один из них. Как и каждый в центурии я несу такой же груз, как и они, копаю ров, устанавливаю колья, которыми огорожен лагерь, словом делаю то же, что и они. Бунтовать против меня, всё равно, что бунтовать против самого себя.

Летом, когда наступившая жара окончательно измучила жителей Нуманции, город пал. Но, не в результате штурма, сами жители подожгли свои дома, перебили друг друга, что бы, не попасть в рабство к римлянам. Победителям достался разрушенный, сгоревший город, подожжённый самими жителями, залитые кровью улицы. Везде валялись трупы убитых матерями детей, зарезанных мужьями жён, мёртвые старики и юноши. Здесь Гай Марий впервые увидел истинное лицо войны во всей

её неприглядности. Это в его душе не вызвало сочувствие к павшим жителям, только сожаление, что не удалось захватить рабов.

За разрушения давнего врага Рима Спицион Эмилиан был удостоен триумфа и имени Нумантийского.

Во время его триумфа в рядах победителей шёл Гай Марий. Он смотрел, как торжественно, с лицом, выкрашенным в красный цвет, ехал Спицион Эмилиан. Именно тогда, ему захотелось так же появиться в Риме победителем под ликование его жителей.

Солнце стало припекать, он окончательно проснулся. Сон не освежил, начал мучать голод, со вчерашнего утра не было ни крошки во рту.

Гай Марий поднялся, пошатываясь, пошёл вдоль течения реки. В голове не было никаких мыслей, только одна надежда, что ему встретится человек, которые поможет.

Так он прошёл почти до полудня, пока не почувствовал дым костра. Кто это мог быть? Может враги расположились пообедать, как только он выйдет к ним, они схватят его и убьют? Или может это будет нечаянный друг?

Гай Марий осторожно выглянул из-за кустов, увидел простой шалаш, который часто устраивают рыбаки. Седой морщинистый старик, сидел на земле и чинил рыбацкую сеть.

— Приветствую тебя, — обратился к старику Гай Марий, выходя навстречу этому человеку.

— И я тебя приветствую, — равнодушно ответил рыбак, не переставая заниматься своим делом.

— Не будешь ли так добр, не дашь мне поесть? Так получилось, что я лишился всех своих припасов и денег.

Рыбак отложил сеть:

— Это не тебя ищет правитель из Тарацина, Геминий? В лесу полно его людей. Не ты ли Гай Марий?

— Да, это я.

Рыбак встал с земли:

— У меня всего лишь несколько сушёных рыб, возьми их. Мне известно одно место, недалеко отсюда, небольшая пещера, ты можешь спрятаться там, пока всё успокоится.

По пути рыбак сломал несколько веток и прикрыл ими вход в пещеру. Когда он уходил, Гай Марий спросил его:

- Почему ты решил помочь мне?
- Мой сын служил в твоём легионе.

Гай Марий, съел рыбу, голод уже не так его терзал, снова задремал. Разбудили его крики, доносившиеся от того места, где стоял шалаш рыбака.

Он поднялся, осторожно передвигаясь, пошёл узнать, что происходит и увидел стоящего на коленях старика, которого держал за волосы городской префект. Вокруг них полукругом расположилось два десятка стражников городской центурии:

- Отвечай, куда ты спрятал Гая Мария?
- Я не видел его, — сдавленным голосом ответил рыбак.
- Ты лжёшь! — префект разъярился, ударил своего пленника наотмашь кулаком по лицу. Капли крови упали на зелёную траву, — пастухи видели, как ты разговаривал с человеком похожим на Гая Мария.

- Они ошиблись, я ни кого не видел.

Префект ещё ударил рыбака по лицу, тот упал, получил ещё несколько даров ногами по телу:

- Обыщите всё вокруг, он не мог далеко уйти, — обратился их начальник к стражникам.

Гай Марий осторожно двинулся к реке, с трудом преодолевая топкий берег. Он скинул всю одежду, с трудом вытаскивая тонущие в грязи ноги, дошёл почти до середины не широкой реки. Погрузился в тёплую воду по самые плечи, надеясь, что его не заметят.

Почти рядом звучали голоса его преследователей:

- Ты поверни налево, я пройду вдоль берега, сказал один другому.

Гай Марий сжался от страха.

- Да тут следы, — сказал один стражник сам себе, Гай Марий

услышал шум вынимаемого меча. «Сейчас он меня найдёт и всё будет кончено», - подумал он равнодушно.

На берегу показался городской стражник, невысокий, тощий, с худощавым, вытянутым лицом в шлем и доспехе, в руках он держал меч.

Заметив Гая Мария, стражник присел на корточки выдвинул меч вперёд:

— Выходи!

Гай Марий отрицательно закивал головой:

— Как только я выйду, ты меня убьёшь.

— У меня нет такого приказа. Мне только поручено найти тебя. Уж если тебе суждено быть убитым, то, поверь, не сейчас и не от моей руки. Выходи, иначе я крикну других стражников. Они мне помогут вытащить тебя из реки, но это будет хуже для тебя. Стражники не будут церемониться, и со злости, что им придётся лезть в воду, поколотят тебя. Не вздумай пытаться убежать, я хорошо владею мечом.

— Дай мне одеться.

— Нет, — стражник отрицательно замотал головой. Он испугался, потому что мечом владел плохо, просто бахвалился, подумал, вдруг в одежде спрятан кинжал. Гай Марий, не смотря на свой возраст, был намного сильнее его.

— Тебе дадут одежду.

Когда они подошли к префекту тот с удивлением спросил:

— Почему он голый?

— Он так сидел в воде, а его одежду я найти не смог, — соврал стражник.

— Времени нет искать, войдём в город, дадим ему одежду.

Когда показались первые дома Минтурны, префект приказал остановиться:

— Пробежитесь по домам, приказал он своим подчинённым, оглядывая Гая Мария, — может, у кого у кого найдётся одежда не нужная, большого размера.

Вскоре один из стражников принёс поношенную тунуку.

— Одевайся, — приказал префект, — не хорошо тебе пред-

стать перед нашими сенаторами в голом виде.

Гай Марий с трудом натянул грязную узкую одежду. Префект ещё раз оглядел его, вынул кинжал, сделал шаг к своему пленнику. Тот замер от неожиданности.

— Да не бойся, — миролюбиво сказал префект, — я не собираюсь тебя убивать. Только сделаю разрез туники на груди, что бы тебе было удобнее.

— Я смотрю, ты добрый, — иронично усмехнулся Гай Марий.

— Не без этого, — беззлобно ответил префект.

— Видел, я как ты с добром отнёсся к старику.

— Ладно, — раздражённо буркнул префект, — хватит болтать, пора идти в сенат.

Как только Гая Мария ввели в курию, где заседал местный сенат, начался допрос:

— Ты Гай Марий? — спросил небольшого роста, со злыми, маленькими глазками председатель сената.

— Да, — Он уже не пытался сопротивляться, покорился судьбе.

— Меня зовут Лар. Тебе известно, что есть приказ, в случае твоей поимки казнить тебя?

— Известно.

Председатель вдруг замялся:

— Мы это сделаем, но, чуть позже. Пока отведите в его в дом Фаннии, — и загадочно улыбнулся, — я думаю, ей приятно будет видеть такого гостя.

Когда пленника увели, Лар нерешительно обратился к присутствующим членам сената:

— Что будем делать? Казнить мы его обязаны. Но, в городе много сторонников Гая Мария. Не вызовет ли это бунт?

— Вопрос ещё в том, кто возьмёт на себя это дело? — подал голос старейший член сената Сервиес Сектус, — может ты Лар, возьмёшь меч и убьёшь его?

Лар содрогнулся от испуга:

— Почему я? Есть у нас префект, пусть он исполняет предпи-

сание.

— Ну, нет, моё дело было задержать его, я не палач — отказался префект.

«Да ты просто боишься», — хотел сказать Лар, — «что тебя после этого обнаружат в канаве с перерезанным горлом. Найдётся, какой-нибудь смельчак из сторонников Гая Мария, его нож покарает тебя», — но смолчал. Потому что сам этого боялся тоже.

— Послушайте меня, — вдруг подал голос, молчавший до этого Сертор Сергей, — у меня есть раб, из племени тевтонов. Он ещё маленьким ребёнком был захвачен в плен и достался мне. Я думаю, он не откажется отомстить Гаю Марию за смерть своих соплеменников. Правда, он сейчас находится за городом, я пошлю гонца, к вечеру он будет здесь.

Гай Марий в сопровождении десяти стражников подошёл стене ограждавшей большую виллу.

Мул, щипавший травку, поднял голову и вдруг кинулся к Гаю Марию. Он мягко ткнулся ему своим носом в грудь и начал тереться мордой о его руку.

Гай Марий всегда любил этих животных, сопровождавших его легионы. Терпеливые, выносливые, они, как и легионеры несли свою нелёгкую службу. Гай Марий погладил мула, почесал его за ушами и подумал: «Хороший знак, боги ко мне расположены благожелательно».

Один из стражей постучал в дверь калитки, открылось небольшое окно, показалось лицо раба привратника:

— Что вы хотите?

— Нам нужна Фанния, — ответил старший из стражников.

— Впусти их, — послышался внутри двора мелодичный звонкий женский голос.

Они вошли во двор, Гай Марий увидел красивую высокую, с тонкой талией, миловидную женщину. Лицо её с маленькими ямочками на щёчках было свежо, как утренний рассвет, в большие серые глаза светились мягким лучистым светом, всё в её облике говорило о чувствительности и распушенности. Она

нахмурила свои чёрные изогнутые брови, наморщила маленький, чуть вздёрнутый носик, придавая себе грозный вид. Но, Гай Марий чувствовал, что этот угрожающий вид её был насквозь фальшив. Эта женщина была ему знакома, где то он её видел, но ни как не мог вспомнить.

— По указанию городского сената, к тебе, пока они совещаются о судьбе пленника, решено поселить Гая Мария.

— Да, меня известили об этом. Можете идти. Обещаю, что из моего дома он уйти не сумеет.

Как только стражники удалились, женщина разразилась безудержным смехом. Она смеялась долго, наконец, с трудом переведя дыхания, озорно глянула на Гая Мариа:

— Извини, я по жизни хохотушка. Эти глупцы считают, что как только они уйдут, тебя бросят к рабам в темницу и станут кормить отбросами. Ты не помнишь меня?

— Я где то видел тебя, но ни как не могу вспомнить.

— Моё имя — Фанния. Я та самая распутная женщина, дело о разводе с моим мужем Тиннием ты вёл, когда был в шестой раз консулом. Собственно говоря, ты решил справедливо, заставил Тинния вернуть моё приданное, а меня, как распутную женщину, сурово наказал, — она откинула голову и залиvisto засмеялась, обнажив мелкие, но очень крепкие и белые зубы, произнесла, разделяя слова, — на целых четыре медяка!

После возвращения в Минтуру, я стала местной знаменитостью. Ко мне приходило много мужчин, что бы послушать мой рассказ о суде. Как же, сам знаменитый Гай Марий, победитель грозных тевтонов и кимров судил меня. Я им всё рассказывала в отдельной комнате за отдельную плату. Ну, ты понимаешь, о чём я говорю, — она снова засмеялась. — Вскоре я стала довольно обеспеченной дамой, мои благодарные слушатели помогли вложить деньги в одно выгодное дельце. Так, что злости у меня на тебя нет, как думают в городском сенате. Мои рабыни приготовили для тебя ванну, стол уже накрыт, поешь, ложись отдыхать. Я отправлю раба на рынок, что бы купил тебе хорошую одежду.

– У меня к тебе одна просьба.
– Слушаю.
– Когда я лягу отдыхать, не впускай ни кого из любопытствующих посетителей. Я очень устал за эти дни, хочу хорошенько выспаться.

– Всё будет исполнено.

Прохладный вечер опустился на опустевшие улицы Минтуры. В доме Сертора Сергия появился его раб, высокий крепкий тевтонец Вендель.

– Скажи мне, тебе хорошо у меня?
– Да, хозяин, вы не обижаете своих рабов.
– Ты готов выполнить любое моё поручение?
– Несомненно!
– Помнишь, ты сопровождал меня в дом некой Фаннии?
– Да, вы тогда, хозяин, вернулся домой только под утро, были очень веселы и довольны.

– В доме у неё остановился один человек. Ты должен взять меч, пойти туда и убить его.

– Скажите его имя, что бы, я не мог перепутать с кем-либо другим.

– Его имя – Серторий Сергий немного замаялся, – Гай Марий. Тебе известно, кто он такой?

– Гай Марий! – Вендель отшатнулся, сжал губы, лицо его побледнело. Это имя было ему ненавистно, ужас застыл в глазах тевтонца.

Рим затих. Всегда шумные его улицы и форумы опустели, продажные женщины сидели тихо в своих лупинариях, не зазывали клиентов для плотских утех. Мимы не показывали свои представления, богатые римляне покидали город, скрывались в своих загородных виллах, надеясь там переждать нашествие варваров.

Казалось, что после разгрома римских легионов из-за тщеславия проконсула Квинта Сервилия Цепиона, отказавшегося объединить свои войска с консулом Гнея Маллия Максима Риму

уже не устоять.

Тогда римляне вспомнили о Гае Марии. Его не было в Риме, хотя закон запрещал избирать в консулы человека в это время не находящегося в городе, народ пошёл, перед лицом смертельной опасности, на нарушение закона. Немногие, кто выступал против нарушения вековых традиций, были изгнаны с позором, названы предателями отечества.

Гай Марий удалось вернуть своим солдатам уверенность, возбудить в них мужество и отвагу. Бесстрашные легионы разгромили орды варваров.

Венделю было лет пять, когда Гай Марий уничтожили его племя. Отца он почти не помнил, всплывали в сознании только смутные очертания лица с густой чёрной бородой, его сильная и широкоплечая фигура, зычный громкий голос.

Лучше помнил он мать, высокую, стройную, с огненно-рыжими волосами. Часто перед сном она пела ему колыбельную. Вендель очень любил гладить своими мягкими детскими руками её нежное лицо, добрые серые глаза светились добротой, рыжие локоны щекотали грудь.

В день битвы, когда воины дрогнули и побежали под натиском римлян, его мать, как многие женщины племени, вскочили на телеги с боевыми топорами в руках. В неистовстве они рубили не только противников, но и мужчин своего племени, позорно бежавших с поля боя.

Он помнил, как один из легионеров подбежал к их телеге, мать, размахнувшись, хотела нанести удар сверху, но вражеский воин подставил большой полукруглый щит. Топор соскользнул, не причинив ни какого вреда. Тогда он своим коротким мечом ударил женщину в живот. Его мать дико закричала, рухнула на землю, прямо перед Венделем. Из её раны текла густая кровь, она пальцами судорожно гребла землю, потом затихла.

Римляне уничтожили всех сопротивлявшихся тевтонцев, Кто сдался или не мог сопротивляться по возрасту, продали в рабство. Так он стал рабом Сертория Сергия.

— Так ты убьёшь его?

— Да, — шёпотом ответил он своему хозяину.

Вендель медленно брёл по улицам города, уже наступала ночь. Под одеждой он сжимал острый кинжал: «Да, я убью его, убью!», — ненависть клокотала в его груди. — «Одним ударом я расправлюсь с тем, кто сгубил мой народ, убил моего отца, мою мать. Нет!», — Вендель остановился, ещё крепче сжал кинжал, — «Нет, сначала вырежу ему глаза. Хотя лучше глаза оставляю, пусть видит, как я буду резать его по кускам, пусть страдает. При этом спрошу, как он посмел, погубить тевтонцев, сильных и многочисленных. А, может это была воля богов?», — Вендель замедлил шаг, его стали терзать сомнения, уже не было той твёрдой уверенности в правоте своего дела, когда то вышел из дома Сертория Сергия.

«Всё свершается по воле богов, убив Гая Мария, не нарушу ли я их волю? Ну, не мог этот полководец, без вмешательства высших сил, победить нас, тевтонцев, внушавших ужас врагу одним своим видом. Может он могущественный колдун? Не накажут ли они меня за это боги?» — в горле у Венделя пересохло, он несколько раз прокашлялся, сглотнул вязкую слюну.

Вендель поднял глаза, увидел, что стоит перед домом Фаннии. Он начал стучать в калитку, услышал в темноте кряхтение привратника и глухой старческий голос спросил из-за двери:

— Кто тут стучится?

— Меня прислали к Гаю Марию.

— Подожди немного, я хозяйку позову.

То время пока привратник ходил к хозяйке показались Венделю вечностью. От нервного напряжения его трясло:

— Чего ты хочешь, — услышал он голос Фаннии.

— По приказанию городского совета мне нужно видеть Гая Мария.

— А, что дело не может подождать до утра.

— Нет, я должен видеть его немедленно!

— Впусти этого человека, — сказала Фанния привратнику.

Дверь распахнулась, Вендель вошёл внутрь небольшого дво-

рика.

— Подожди здесь, я позову Гая Мария.

— Да, позови, но сама не выходи. У меня к нему тайное дело.

Яркая луна освещала двор, и Вендель очень хорошо видел вышедшего к нему человека в новой тунике.

— Ты кто? — спросил Гай Марий.

— Моё имя Вендель.

— Это тевтонское имя. Что тебе надо, раб?

— Я пришёл, что бы убить тебя. Отомстить за гибель моего племени, за смерть моего отца и матери.

Вендель вытащил из ножен кинжал, занёс его для удара. Он ждал, что Гай Марий кинется к нему в ноги, умоляя пощадить. Но, римский полководец стоял спокойно, даже не пытаясь защищать себя:

— Ты, раб, — губы Гая Мария презрительно кривились, — пришёл убить меня, Гая Мария? — лунный луч скользнул по его лицу, отразился в глазах, вспыхнувших яростным жёлтым блеском, — ты, червь, не посмеешь это сделать.

Вендель попытался вонзить кинжал в грудь своего противника, но почувствовал, что не может двинуться.

— Оборотень! Только у них глаза жёлтые. Его не убить кинжалом! — мелькнула жуткая мысль.

Он разжал пальцы, кинжал со звоном упал на плиты каменного пола:

— Я не могу убить Гая Мария, — прошептал он, повторил это с таким криком, что показалось, задрожали стены дома. Он повернулся, и сначала медленно, волоча ноги, побрёл назад. Чем дальше он уходил, тем быстрее становились его шаги и наконец, подбежал, объятый ужасом. Вендель бежал, что было сил, казалось ему, что над ним летит Гай Марий с его брошенным кинжалом в руке, что бы поразить своего не состоявшегося убийцу. Он бежал и кричал: «Я не смог убить Гая Мария». От его страшного крика просыпались люди, тревожно прислушивались, поминали богов, снова ложились спать. Но, им так и не удалось заснуть до самого утра, всё казалось, что по улицам города бродит злой

дух и кричит: « Я не смог убить Гая Мария».

Вендель спрятался в каких — то развалинах старого дома, два дня просидел там, скрываясь от всех. Серторий Сергей заявил, что раб сбежал. Когда его нашли, совершенно обезумевшего, как преступника, Венделя распяли. Смерть несчастного сумасшедшего скрыла истину, кто в действительности хотел погубить Гая Мария.

До самой своей смертной минуты, испытывая страшные мучения, облизывая пересохшие от жажды губы, Вендель продолжал шептать: « Я не смог убить Гая Мария».

С утра на форуме стали скапливаться горожане. Они угрюмыми взглядами смотрели на членов совета, спешившими быстро проскользнуть мимо озлобленных людей и скрыться за стенами храма, где проводилось заседания.

Как только члены сената собрались вместе, толпа начала кричать: «Освободите Гая Мария, он спас нас всех от нашествия варваров».

— Что будем делать? — спросил Лар, не скрывая своего страха. — Если мы не уступим им, то они ворвутся сюда и убьют нас. Если мы не убьём Гая Мария, что скажем Сулле, когда он вернётся. Он нас казнит, за то, что мы не исполнили его приказание, уничтожить Гая Мария.

— Успокойся, — Серторий Сергей в задумчивости потёр щеку, — то и скажем, что толпа горожан угрожала нас убить, поднять мятеж против Суллы. Поэтому, мы были вынуждены исполнить их требование. Ты, не трясись, Лар, пошли вестника в дом Фаннии, пусть он приведёт Гая Мария сюда. Тем временем запиши имена этих крикунов, что бы в случае чего предоставить этот список Сулле, пусть он сам с ними разбирается.

Толпа всё росла, они всё более возбуждались, самые отчаянные уже были готовы схватить сенаторов, заставить выпустить на свободу Гая Мария. Тут вышел на площадь старик, это был Кезон, один из самых почитаемых жителей города.

— Чего мы стоим и ждём, — обратился он хриплым старче-

ским голосом к собравшимся людям, — разве мы не граждане? Мы сами дадим свободу Гаю Марию. Пусть беглец идёт куда угодно, и в другом месте претерпит всё, что ему суждено. А мы должны молиться, что бы боги ни покарали нас за то, что изгоняем из города Мария, нагого и преследуемого.

— Ты прав, раздались голоса, — идём и освободим Мария от власти тиранов!

Марий сидел в тени стены, окружавший дом Фаннии. По синему небу плыли белые облака, ему захотелось стать таким облаком и улететь прочь из этого негостеприимного города. С улицы донёсся, но в его душе это не вызвало беспокойства. К нему вернулась уверенность, что всё закончится хорошо. Гадалка предсказала ему семь раз быть консулом, а было только шесть консульств.

В ворота начали стучать, Марий увидел, как Фанния подошла к воротам.

— Кто там, — спросила она срывающимся от волнения голосом.

— Нам нужен Гай Марий- откликнулось сразу несколько голосов.

Марий подошёл к Фаннии, положил руку на плечо и сказал:

— Не бойся, открывай. По их голосам слышно, что они пришли сюда не со злом.

Несколько человек вошли во двор, и впереди был седой, сгорбленный старик:

— Меня зовут Кезон. Мы виноваты перед тобой, обратился он к пленнику, — ты столько сделал много для государства, разбил полчища врагов. Граждане города Минтурны решили помочь тебе. Ты свободен, мы собрали средства, что бы нанять корабль, их хватит на первое время. Что будет дальше это воля богов, мы не хотим гневить небожителей подлостью к такому человеку как ты. Надо спешить, пока твои враги не помешали.

— Благодарю вас, друзья мои. Когда пройдут трудные времена, я не забуду вашего доброго отношения ко мне. А тебе, Фан-

ния, — он повернулся к женщине, — я выражаю особую благодарность за твоё гостеприимство.

Гай Марий, в окружении его спасителей поспешил к берегу моря, старик, что говорил с ним, едва поспевал. Вдруг все остановились.

— Что такое? — встревожился Гай Марий

Стоявший рядом с ним юноша пояснил:

— Путь нам преграждает священная роща нимфы Марики. Только жрецы могут туда входить.

— Друзья мои, — вмешался в разговор Кезон, — кто перед нами? Перед нами Гай Марий, герой. Разве мог он совершить свои победы без благословения богов? Нет! Поэтому мы можем свободно пройти через эту священную рощу. Завтра я принесу большую жертву в честь нимфы Марики, думаю, она нам простит это небольшое прегрешение. Давайте поспешим, Белей, — он обратился высокому широкоплечему мужчине лет сорока, с курчавой чёрной бородой, — корабль готов?

— Да, только нужно поторопиться. Хозяин корабля опасается, что бы на пристань не нагрянули противники Гая Мария и не схватили его.

— Тогда не будем терять время, — Кезон поднял поклажу, собранную для Мария, решительно зашагал через рощу.

Когда корабль отчалили под приветственные крики сопровождавших Гая Мария людей, остановив проходящего матроса, он спросил:

— Куда направляется корабль?

— На Энарию.

— Это хорошо, — Гай Марий прислонился к борту и задремал.

Ещё не успев причалить к пристани Энарии, Гай Марий заметил своего пасынка Грания, с тревогой всматривающегося в лица прибывших на этом корабле. Как только Гай Марий ступил на берег, пасынок с радостью кинулся к нему на грудь:

— Отец, я счастлив, видеть тебя. Нам стало известно, что тебя

схватили в Минтурне, здесь я ждал своих друзей. Мы хотели напасть на тюрьму в этом городе и освободить тебя.

— Вы бы все погибли, — Гай Марий погладил Грания по голове.

— Если бы была хоть малейшая возможность освободить тебя, не задумываясь, это сделал. Слава богам, ты сам обрёл свободу. Что теперь будем делать?

— Ни чего не знаешь, о моём сыне, Гае?

— Он добрался до Нумидии, сейчас находится у царя Гиёмпсала.

— Мы отправимся туда, этот правитель нам друг.

— Это очень далеко.

— Да, далеко. И, опасно, но, — Гай Марий тяжело вздохнул, — другого пути у нас нет.

Граний нанял корабль, хозяин которого, за высокую плату, согласился доставить Гая Мария, Грания и их спутников к Гиёмпсалу.

Сидя в тени паруса, Гай Марий много думал о его смертельном враге — Сулле. Он вспоминал свои ошибки, и это не давало ему покоя.

Откуда он взялся это выскочка, потомок древнего патрицианского рода, ко времени рождения Луция Корнелия Суллы влачившего, по римским меркам, жалкое существование? В его роду были знатные римляне в разное время бывшими диктаторами, консулами, жрецами и преторами. Хотя его отец, Луций Корнелий Сулла-старший, был претором, затем управлял провинцией Азия, большого состояния не накопил. Только хватило, что дать сыну хорошее образование.

В юности Сулла любил проводить время в распутстве с доступными женщинами, мимам, артистами.

Гай Марий ненавидел людей подобных Сулле. Большинство из них кичились древностью рода, в сущности, были ничтожествами. Это они презрительно называли таких как Гай Марий, добившихся высоких должностей своим упорным трудом, тяжки-

ми битвами с врагами, «новыми людьми».

Чего стоила только Риму чванливость Квинтия Сервилия Цепиона, поставившего государство на грань катастрофы во время войны тевтонами.

Хотя Сулла, это нельзя отрицать, был наделён не малыми способностями.

Многих удивило, когда не богатый Сулла вдруг явился в лагерь Гая Мария в должности квестора во время югуртинской войны. Стало известно, что нужные средства, для получения этой должности, достались Сулле нечистым путём. Его обеспечили деньгами две богатые женщины, любовница Никопола, и мачеха. С которой, по слухам, он состоял в порочной связи. Было очень подозрительно, что как только они завещали ему своё богатство, обе скоростижно скончались. Но, вины Суллы в их смерти никому доказать не удалось.

Гай Марий до последних подробностей помнил тот пир, когда Сулла привёл в римский лагерь осторожного и ловкого Югурту, которого столько лет не удавалось захватить.

Сулла возлежал на ложе с чашей вина, вокруг него собрались все желавшие послушать его рассказ, как же ему удалось схватить злейшего врага Рима.

— Ну, не томи, Сулла Расскажи, как тебе удалось это сделать? — обратился к нему нетерпеливый молодой центурион.

Сулла не торопясь отхлебнул вина, поставил чашу на низенький столик:

— Дело в том, друг мой, что я человек не из тех, кто может решать дело, только тупо размахивая мечом, — он метнул мимо-лётный взгляд на Гая Мария.

Ни кто из присутствующих не заметил этого, Гай Марий всё понял сразу. Короткий, но острый взгляд, словно игла больно кольнул сердце. По этому взгляду ему стало ясно — Сулла опасный человек и вечный враг. Но, тогда, на пиру, захмелевший Гай Марий сразу же отбросил эту мысль. Да кто он такой этот Сулла? Жалкий выскочка! И что с того, что он захватил Югурту? Он лишь выполнял приказ. Его приказ Гая Мария, человека, имя которого

было у всех на устах, которого ждало великое будущее!

— Так на чём я остановился, друзья мои? — Сулла изобразил на лице забывчивость, — ах, да, вы просили рассказать, как я захватил Югурту. О, это было поистине опасное дело.

Сулла провёл рукой по своим светлым волосам, тряхнул головой, отпил вина и продолжил:

— Как я уже сказал, это было опасное дело. Уже много лет ненавистный Югурта был нашим врагом. Но, мощь и организованность войск Рима неоднократно доказывали наше превосходство. Бокх, царь Нумидии, которому Югурта доводился зятем, колебался не зная, поддержать ли ему родственника, или выдать его Риму. Богам было угодно, что бы это я уладил это дело, — Сулла упомянул волю богов, тогда как это лично Гай Марий приказал ему исполнить эту миссию, что бы принизить роль своего командира.

— В моих письмах к Бокху, я открыто призывал его стать на сторону Рима: «Хорошенько проникнитесь идеей, что ни кто, ни когда не превосходил в великодушии римский народ; что же касается его военной силы, у вас есть все основания её знать».

Бокх захотел лично встретиться со мной, получить от меня гарантии. Он прислал своего сына Волукса, в знак своего благонамерения.

— Ты помнишь, Тиберий Феррум, этого трусливого молокосо-са, ты же его как раз встречал.

— Да, он просто трясся от страха, — подтвердил тот хриплым насмешливым голосом, — всё боялся, что ему в нашем лагере отрубят голову.

— Последующие события только подтвердили его трусливую сущность.

Я отправился с небольшим отрядом нумидийских всадников к царю Бокху. На пятый день пути разведчики доложили, что впереди расположилось войско Югурты.

Волукс предложил мне бежать вместе с ним, оставив весь отряд на произвол судьбы. На что я ответил решительным отказом. Погибать так вместе. С приближением темноты, мы разожгли

много костров, что бы у врагов создалось впечатление, будто мы собираемся здесь остановиться и что нас много. Тем временем, мы просто обошли вражеский отряд стороной.

Собираясь остановиться для отдыха, обнаружили ещё один вражеский отряд. Честно говоря, меня это взбесило, я подумал, что Волукс просто водит нас за нос, что бы предать в руки врага.

Я уже вынул меч, что бы его прикончить. Он упал на колени, стал уверять, что это случайность, мол, тут нет предательства.

Это было так мерзко, что мне даже не захотелось мारать свой меч об него, я предложил, ему убираться, куда он хочет.

Тогда Воллукс подал мне идею, под видом нумидийских воинов пройти сквозь вражеский лагерь. Он отдал мне свой плащ, под которым я скрыл римское одеяние. Как гарантия моей безопасности, он шёл рядом со мной, что бы, если надумает меня предать, мой меч его покарал.

Я согласился. Мы незаметно сняли охрану, удачно прошли через весь лагерь. Спустя несколько дней я был во дворце Бокха.

Было известно, что при дворе Бокха множество шпионов Югурты. Для того, что бы ввести их в заблуждение царь на официальной церемонии моей встречи попросил десять дней на раздумье. Но, той же ночью, через посредство своего поверенного Дамара, он провёл со мной тайные переговоры, пообещал передать Югурту в мои руки.

Днём Югурте было передано, что я схвачен и являюсь пленником. Тот, горя нетерпением, прискакал к царю, как же, — Сулла громко засмеялся, — посланник Рима схвачен! — так сказал нарочно, посланник Рима, лишь бы не упоминать лишний раз имя Гая Мария.

Он не как не ожидал засады, его отряд был перебит. Югурта хотел покончить жизнь самоубийством, уже занёс, что бы пронзить себя, но, лично я, вот этой рукой, выбил у него меч, не позволил ему убить себя.

«Ну, и пусть — подумал, скривившись, Гай Марий, — Сулла на каждом углу рассказывает, как он схватил Югурту, триумф достался мне.

Да, он помнил сладостный миг торжества!

В тот день, когда решался вопрос быть ему триумфатором или нет, сенаторы в загородном храме Аполлона расспрашивали его о войне с Югуртой. Гай Марий старался как можно красочнее рассказать о коварстве и силе врага, о тяжких битвах, взятых трофеях. Его рассказ был принят благосклонно, триумф был разрешён.

Как только возшло солнце, развеялся утренний туман, на Марсовом поле выстроились участники торжественного шествия.

Первыми в Рим вступили музыканты. Они звуками своих инструментов оповещали народ о начале торжества. Вслед за музыкантами через весь город к Капитолию были пронесены трофеи, захваченные у врага: щиты, копья, мечи, золото, серебро. Многочисленные мимы веселили своими выходками и ужимками народ.

После двигались живые трофеи, пленники захваченные, на этой войне. Последним, прямо перед колесницей Гая Мария шёл закованный в цепи сам Югурта. В отличие от других, Югурта шёл величественно, гордо подняв голову, как и полагалось правителю, не уронив своего достоинства. Он с презрением смотрел на ликующий народ Рима, словно это он был победителем.

Гай Марий заметил, как торжественно двигался его поверженный противник, это вызвало раздражение в его душе. Да, Югурта был захвачен не на поле боя, а в результате предательства и что с того? На войне все средства хороши, если они ведут к победе.

Как потом рассказывали, Югурта, которого заморили голодом в Мамертинской тюрьме, так умер не сломленным, насмехаясь над своими палачами.

Стараясь не смотреть на пленника, Гай Марий приветствовал толпы горожан.

Его колесница, запряжённая четвёркой великолепных белых лошадей, приближалась к Капитолию. Гай Марий немного рас-

слабился, провёл рукой по лицу, забыв, что оно, согласно старинному обычаю раскрашено красной краской. Древние жители считали, что таким образом скрывалась радость полководца от оказанной ему чести. Ведь эта радость могла перерасти в гордыню, от неё всё беды, как человека, так и государства. И потому, раб стоявший, позади него, на протяжении всего пути громко возвещал ему о тщетности усилий человека перед лицом смерти, выкрикивая: «Помни о смерти!».

На колеснице были подвешены колокольчик, который вешали на шею преступникам, и кнут, как орудие наказания для тех, кто преступал закон. Все должны знать, если гражданин, даже триумфатор, нарушит закон Рима, он будет сурово наказан.

По случаю триумфа, Гай Марий был одет очень торжественно: в пурпурном плаще, расшитом золотыми пальмовыми листьями. В одной руке Гай Марий держал жезл из слоновой кости, с золотым орлом, как символ доблести его легионов, в а другой лавровую ветвь мира.

Следом за его колесницей шли легионеры, распевая похабные песенки про своего полководца. Это тоже была старая традиция, что бы богиня удачи Фортуна не покидала их командира.

Толпа, увидев победоносное воинство радостно взревела: «Ио, триумф!».

Вроде и было это совсем недавно, помнил Гай Марий шум восторженной толпы, цвета, запахи, возгласы, хотя прошло много лет. Но, сейчас он всего лишь изгнанник, с неясным будущим.

Всё могло быть иначе, послушай он Публия Сульфиция Руфа. Тот предлагал убить Суллу, когда тот укрылся в доме Мария, когда разъярённая толпа захватила власть в Риме. Что же помешало ему просто взять меч, проткнуть им ненавистного врага? Может то, что они были женаты на сёстрах? Нет, его ослепил вид униженного Суллы, дрожащего от страха, умоляющего спасти его от смерти. О, как он, Гай Марий наслаждался видом поверженного, униженного недруга. Казалось, что вот, оно торжество его судьбы, Сулла больше не сможет подняться, будет растоптан.

Униженный Сулла всем в Риме докажет величие духа его, Гая Мария, победителя тевтонов и кимров, многократного консула!

Сулла думал иначе. Это унижение только придало ему больше сил, заставило возненавидеть Гая Мария лютой ненавистью. Теперь Гай Марий беглец, а Сулла у власти.

Во многом виноват он сам. Зачем предал Аппулея Сатурнина. Гая Мария заманили лживыми обещаниями в ловушку. Если бы он знал о том собрании в доме отпущенника сенатора Рабирия.

— Здесь, у твоего отпущенника Главка, безопасно? — спросил Рабирия сенатор Квинт Окулус, маленький толстый человек, с выпученными глазами, от того и имевший такое прозвище. Он был очень пуглив, его полные щёки тряслись от страха.

— Да успокойся ты, мало кто знает про этот дом. Но, медлить нельзя.

— Что ты предлагаешь? — мрачно глядя на Рабирия Гней Фабий.

— Закончить всё это, используя того человека с которого всё и началось — Гая Мария.

— Это как? — удивились присутствующие.

— Вы все знаете, как тщеславен Гай Марий. Он на каждом углу рассказывает, как в детстве нашёл гнездо с семь орлами. И, свято верит, что это был знак богов, предвещавших ему высшую власть в Риме семь раз. К, тому же, одна прорицательница укрепила его в этом мнении, предсказав ему консульство семь раз. Сейчас он консул в шестой раз. Ни кто в Риме не добивался такого избрания. Если мы, лучшие люди Рима, пообещаем выдвинуть его на эту должность в седьмой раз, вряд ли он откажется. Гай Марий уже стар, это может быть его последним шансом.

С другой стороны, Апулей Сатурнин тоже жаждет власти. Власть консула его уже не привлекает. Он хочет единолично управлять Римом, как мне сообщили, стать царём.

Гул возмущения пронёсся среди присутствующих:

— Спокойно друзья мои! Мы в силах разрушить эти коварные замыслы. Гай Марий и Апулей Сатурнин два властолюбца, их

надо столкнуть лбами. Обоим не усидеть в одном гнезде. Один обязательно вытолкнет другого. Сейчас для нас наиболее опасен Апулей Сатурнин. С помощью Гая Мария мы уберём его. Потом доберёмся и до самого Гая Мария.

— А как же быть с обещанием должности консула? — спросил один из сенаторов.

— Ну, обещать, — Рабирий иронично улыбнулся, — не значит сделать. Можно будет найти множество причин, от неблагоприятных знамений, до голосований триб¹ не в его пользу, мало, ли можно придумать отговорок.

Сейчас мы должны написать письмо Гаю Марию с нашим предложением о выдвижении его консулы на следующий год. Пусть пригласит в свой дом Апулея Сатурнина, напоит его, как известно тот весьма болтлив после вина. Мы тоже будем тайно в доме Гая Мария, будем направлять их беседу в нужное русло. Маний Касий, письмо будешь писать ты, у тебя хороший почерк. Готов? Пиши:

«Приветствую тебя Гай Марий, я сенатор Рабирий, так же лучшие люди Рима. К тебе обращаемся мы в эти тяжкие для нашего Отечества дни. Да и к кому мы можем обратиться, как не к тому, кто в страшные дни нашествия варваров спас Рим. Сейчас угроза исходит не от внешних врагов, она поселилась внутри нашего государства. Ты знаешь, как эта опасность называется — Апулей Сатурнин. Взывая к низменным чувствам толпы, он хочет разрушить нашу республику, захватить власть и править подобно древним царям. Этот негодяй хочет погубить сенат, лучших людей, таких как ты. И не скрывает своих планов. Мы это понимаем. Но, понимаешь ли ты это? Останешься ли ты в памяти потомков как величайший деятель или они тебя проклянут как того, кто способствовал разрушению республики, будут ли они воздавать тебе почести или проклянут, как изменника. Решай, решай незамедлительно. Если ты согласен с нами, дай ответ сей-

¹Триба — территориальный и избирательный округ в Древнем Риме.

час с человеком, кто тебе принесёт это письмо. Тогда мы придём к тебе, ты укроешь нас в одной из комнат своего дома. После этого пригласи Апулея Сатурнина, напои его вином, спроси его о дальнейших планах. Надеюсь, что ты согласишься действовать вместе с нами, тем спасёшь наше государство от разрушения. За то, что ты поможешь нам преодолеть весь этот хаос, мы обещаем тебе добиться твоего избрания консулом в следующем году».

— Теперь подпишитесь под письмом.

Сенаторы стали подходить и подписываться. Квинт Окулус, подошёл с пугливо осматриваясь, что то хотел сказать, но Рабирий рявкнул на него: «Подписывай!». Квинт Окулус вздрогнул, быстро написал своё имя.

— Главк, иди сюда, — позвал Рабирий своего вольноотпущенника, ждавшего за дверями, — возьми это письмо, ступай в дом Гая Мария, отдай ему. Смотри, что бы, это послание не попало к посторонним людям, лично в руки передай, дождись ответа.

Потянулось время ожидания, кто то из сенаторов пил вино, сидя с угрюмым лицом, кто то нервно ходил по комнате, только Рабирий, уверенный в правильности своего решения был спокоен.

Дверь распахнулась, Главк быстрым шагом подошёл к Рабирию, что-то шепнул ему на ухо. Рабирий радостно улыбнулся:

— Друзья мои! Он согласен нас принять, я не ошибся. Выходим из дома по одному, разными путями идём к Гаю Марию. Я выйду последним.

Когда сенаторы собрались в доме Гая Мария, он приказал вооружить свою челядь, закрыть ворота, ни кого не впускать, кроме Апулея Сатурнина. Если тот придёт, проводить не сюда, а в дальнюю комнату его дома.

— Ты готов подтвердить, Гай Марий, что поддержишь нас против Апулея Сатурнина? — спросил Рабирий.

— Вы согласны подтвердить, что в следующем году выдвинете меня консулом, сделаете всё, что бы это избрание состоя-

лось? — в свою очередь задал вопрос Гай Марий.

— Непременно, все присутствующие здесь тебе порука, что мы не отступим от своего слова. Но, прежде всего ты должен нейтрализовать действия Апулея Сатурнина и его заговорщиков. Согласен?

— Согласен. Сделаю всё возможное. Вот и хорошо. Кто-то стучится в ворота, не Апулей Сатурнин ли?

Немного взволнованный, от того бледный, Гай Марий пошёл узнать, кто пришёл. Действительно это был тот, кого они ждали. Гай Марий сам отвёл его в дальнюю комнату.

— Что — то ты плохо выглядишь, уж не привиделся ли тебе лемур¹? — весело улыбаясь, спросил Апулей Сатурнин.

— Не привиделся. Просто желудок расстроился. Вина не хочешь?

— С удовольствием, слышал, ты хранишь хорошие вина.

— Вот испей, фалернское вино, выдержка 15 лет.

— А ты меня, пользуясь, случаем не хочешь отравить? — Апулей Сатурнин хитро улыбнулся.

Гай Марий отхлебнул из чаши, которую предлагал гостю:

— Видишь, я пью из той же чаши, что предлагаю тебе. Мне нет смысла травить моего друга, мы ведь союзники или ты считаешь иначе?

— Не обижайся, Гай Марий, я просто пошутил. То, что мы союзники, это ты верно сказал. Помнишь, я помог тебе избавиться от Метелла Нумидийского? Осталось обсудить, как действовать, что каждый из нас хочет получить.

— Чего ты хочешь, Апулей Сатурнин?

— Я хочу власти. Не той власти, которая дают зажавшиеся сенаторы и подлая чернь. Я хочу власти, не зависимой ни от чьего желания.

— Уж не царём захотел ты стать? Но, у нас, же республика.

¹ Лемурами в Древнем Риме называли приведения.

Или ты забыл клятву, которую народ дал Луцию Юнию Бруту¹ не иметь царей, казнить каждого, кто будет стремиться стать царём?

— Когда всё это было, прошло столько лет, эта клятва уже потеряла своё значение. Сейчас другие времена, сейчас Риму нужен правитель, который жёсткой рукой навёл порядок.

— Именно такое правление Тарквиния Гордого привело к его изгнанию.

— Тарквиний Гордый был глуп. Он использовал один лишь кнут, забывал о прянике. Откуда ты знаешь, может, я буду добрым правителем, как Нума Помпилий²? — Апулей Сатурнин хохотнул.

— Ты, Нума Помпилий? Не смеши меня, — Гай Марий скривил лицо.

— С некоторыми я буду добр как Нума Помпилий, с некоторыми беспощаден, как Тарквиний Гордый. Иначе порядка не будет. Не стоит сейчас загадывать о будущем. Сейчас главное взять власть, уничтожить сенат. В этом я рассчитываю на тебя. Налей ещё вина, — слегка заплетающимся голосом попросил Апулей Сатурнин, — мне нужны твои ветераны. Это сила, которая способна сокрушить Рим. Кроме тебя, они, ни кого слушать не будут.

— Что — то у меня желудок свело, ты побудь тут, я сейчас приду.

Гай Марий направился в комнату, где собрались сенаторы.

— Ну, что он тебе рассказал? — с нетерпением спросил Рабирий.

— Хочет захватить власть в Риме, уничтожить сенат.

Ропот возмущения пронёсся среди сенаторов.

— Тихо вы, расшумелись! — прикрикнул на них Рабирий.

— Ему нужна моя помощь, мои ветераны, что находятся

¹ Луцию Юнию Бруту, римлянин, свергший царскую власть Тарквиния Гордого, народ дал ему клятву не иметь больше царей.

² *Нума Помпилий, полулегендарный второй царь Рима, установивший многие культы и богослужения.

в Риме или близко около него. Они должны помочь ему. Что ответить?

— Соглашайся. Постарайся выведать как можно больше сведений, о главарях заговора, сколько человек в нём участвует, что они будут делать, где собираться, куда двигаться и прочее.

— У меня есть ещё одно условие, — Гай Марий слегка понизил голос, — я не хочу смерти Апулея Сатурнина. Он популярен в народе, его смерть бросит тень на меня, тогда мне будет трудно стать консулом в следующем году.

— Хорошо. Иди к нему и помни, что я сказал — узнай о заговоре как можно больше.

Когда Гай Марий вернулся, Апулей Сатурнин вертел в руках пустую чашу:

— Ну, что, легче тебе стало?

— Да, вроде прошло.

— Ну, так ты согласен с моим предложением? — Апулей Сатурнин испытующе посмотрел в лицо Гаю Марию. Он понимал, что откажись тот, его пришлось бы убить, что бы предотвратить возможность донести о государственной измене в сенат.

— Согласен. Нужно только составить план совместных действий. У тебя много людей?

— Честно говоря, не очень. Если к ним присоединятся твои ветераны сил, я думаю, хватит захватить сенат, расправиться с его сторонниками.

— Хорошо. Мне нужны списки твоих сторонников, не всех, конечно, только тех, кто будет руководить.

— Зачем тебе? — удивился Апулей Сатурнин.

— Как мои люди узнают твоих сторонников, чьи приказы им выполнять?

— Список я тебе предоставляю. Только постарайся, что — бы он не попал в руки сторонников сената, иначе это будет их верная смерть. Сколько дней тебе понадобится, для того, что бы ветераны оказались в Риме?

— Я думаю, дней пять. Не всех их надо селить в самом горо-

де. Некоторых надо расселить на вилах, недалеко от городских ворот. Их задача захватить городские ворота, не допустить прихода сторонников сената, не выпустить из города наших врагов. Так же надо снять несколько инсул¹, недалеко от форума, поселить там ветеранов.

— Почему бы их не расселить в домах моих сторонников?

— Это может вызвать подозрения. И ещё надо придумать пароль, что бы отличить своих людей от врагов.

— Допустим, — Апулей Сатурнин на мгновение задумался, — паролем будет уже звучавшее здесь имя Нума Помпилий. Это создаст иллюзию, что мы бьёмся во имя добра и справедливости.

— Нам предстоит встретиться ещё несколько раз, обсудить детали, как действовать, какими путями идти, кого уничтожить и прочее. Все эти встречи я должен проводить с тобой лично, без посредников в глубокой тайне, не в наших собственных домах. Хотел бы узнать, какие выгоды получу я?

— Ну, какую? — Апулей Сатурнин неопределённо пожал плечами, — ты будешь окружён почётом и уважением. Признай честно, управлять тебе уже тяжело. Мы подарим тебе роскошную виллу, где ты будешь проводить время в комфорте и неге. Что тебе ещё надо?

Гай Марий поморщился: «Значит, они меня хотят использовать как таран, добиться власти, потом вышвырнуть на свалку, как старую рухлядь? — вдруг у него мелькнула мысль, — а не самому ли стать единоличным правителем Рима? — но, он её тот час отбросил, — Рим республика, завещанная нам предками, не ему, меня установленный порядок».

— Что опять желудок покоя не даёт? — участливым голосом спросил Апулей Сатурнин, — вот видишь, здоровье тебя подводит. Править дело молодых.

— Сам как себя чувствуешь, совсем опьянел. Я прикажу

¹ Инсула многоэтажный дом с комнатами, сдаваемыми в наём.

подать носилки, тебя отнесут домой.

— Пожалуй ты прав, мне домой не дойти. Так и сделаем. Завтра приходи ко мне, обдумаем детали. Заодно определим места последующих встреч.

И дело закрутилось. Только совсем не так, как предполагал Апулей Сатурнин. Ветеранам Гая Мария был отдан приказ не поддерживать сторонников заговора, а уничтожить их. Был передан список главных заговорщиков, которые подлежали смерти. Любой, кто называл имя Нума Помпилий или говорил, что он от Апулея Сатурнина считался врагом.

— Ну, где этот, этот Гай Марий! — вышагивая по небольшой комнате в инсуре, располагавшейся возле форума, нервно спрашивал себя Апулей Сатурнин, — ему уже давно пора здесь появиться.

— Я ни когда не доверял ему, — угрюмо сказал сидевший в углу Главция, помощник Апулея Сатурнина.

— Ты не когда ни кому не доверяешь, Главция, даже самому себе.

— Каждый может предать.

— И даже ты?

— И даже я.

По лестнице послышался топот бегущего человека:

— Это, вероятно, гонец от Гая Мария. Вот видишь, ты не прав.

Запыхавшийся человек открыл рывком дверь, тяжело дыша, застыл в проёме, не в силах сделать шаг:

— Ну, что там, — Апулей Сатурнин подбежал к гонцу.

— Спасайся, Гай Марий тебя предал. Его ветераны убивают наших людей, движутся сюда, что бы схватить тебя.

— Что делать? — Апулей Сатурнин в отчаянии схватился за голову.

Главция поднялся, потянул своего союзника к выходу:

— Запрёмся на Капитолии. А, там видно будет.

Гай Марий поднялся к закрывшимся мятежникам в одном

из общественных зданий:

- Ты меня слышишь, Апулей Сатурнин?
- Слышу, предатель.
- Сдайся, я обещаю, что тебе сохранят жизнь.
- Знаю я цену твоему слову, опять обманешь.
- Я просто хотел, что бы ни было беспорядков.
- Это всё пустые слова.

Стоявший с ним рядом Рабирий, вопросительно посмотрел на Гая Мария:

- Будем штурмовать?
- Нет, — Гай Марий отрицательно покачал головой, — разберите водопровод, через три дня они сдадутся сами. Не забудь наш договор — Апулей Сатурнин должен остаться в живых.

Когда, страдавшие от жажды Апулей Сатурнин и его сторонники сдались, их отправили в другое здание, где водопровод действовал на Капитолии. Не доверяя Рабирию, Гай Марий поручил своим ветеранам нести охрану заключённых.

Но, всё пошло не так. Огромная толпа сторонников сената просто смели немногочисленную охрану. Не сумев открыть двери, они залезли на крышу, забросали пленников черепицей.

Последнее, что успел крикнуть поверженный ударом черепицы в голову Апулей Сатурнин, были слова: «Будь ты проклят, Гай Марий».

А эта Союзническая война? Ну, кому она была нужна?

Ни когда ещё в жизни Гай Марий не был в таком противоречии с самим собой. Он был совершенно одинок, ни кто не посещал его. Сенаторы презирали за связь с Апулем Сатурнином, простые обыватели считали виновником гибели этого народного вождя.

Гай Марий надеялся, что новые военные успехи восстановят пошатнувшийся авторитет. Против кого он должен был воевать? Марсов, пелигинов, вестин, марруцин, пицентин, френтан, гирпин, помпеян, венузин, япиг, лукан, самнитов? Тех, кто рядом с ним в одном строю отражали нападение врагов Рима.

Ради кого? Зажравшихся членов сената, пустых, глупых людей, единственным достоинством которых было древность их рода. Рода, восходившего к спутникам Энея, прибывшие из уничтоженной Трои на землю Италии. Но, те были действительно смелыми, решительными людьми, а что представляют их современные потомки? Ни чего, кроме тщеславных, изнеженных людишек.

А, эта чернь, эти пролетарии, ни чего не умеющие, кроме способности делать детей, вопящие на каждом углу: «Мы римляне!». Что — то он не видел их на поле боя, где Марс собирает свою кровавую жертву.

Вот Сулла не терзался подобными сомнениями. Он просто сражался, добывая себе славу римского полководца, уничтожив войско марсиев, самых отважных воинов среди всех противников Рима в Союзнической войне.

В результате получилось, итальянцы добились своих прав, но, сколько это стоило ненужных жертв? Зачем нужно было воевать, когда была возможность сразу дать им то, что они по праву заслуживали“, — Гай Марий горько улыбнулся, прищурившись, взглянул на солнце. — „Ослаблением Италии воспользовался Митридат. Он злодейски умертвил сто пятьдесят тысяч римлян, при этом совершил кощунство над убитыми, запретив их хоронить. Рабам, что убивали своих римских хозяев, он даровал свободу, должникам прощал их долги.

Это ни как нельзя было оставить без последствий, Рим должен был наказать дерзкого царя.

Нет, всё-таки он зря отпустил Суллу. Тот немедленно отправился к войску, готовившемуся в поход против Митридата, хотя сенат избрал для этого Гая Мария. Два легата, прибывшие с этим указом сената были убиты, сам Сулла повёл легионы на Рим. Гаю Марию пришлось бежать, слишком мало у него оказалось сторонников.

Воспоминания Гая Мария прервал хозяин судна, человек с вытянутым лицом и взиравший на мир унылыми выпуклыми глазами:

— Нам необходимо причалить к берегам Сицилии, пополнить запасы воды.

Гай Марий насторожился, нехорошее предчувствие овладело им:

— А другого места нет пополнить запасы воды?

— Можно не причаливать, тогда придётся экономить воду, что может вызвать недовольство, я бы на моём корабле такого не хотел.

— Ну, хорошо.

— Выдели мне своих людей, что бы они помогли быстрее набрать воды.

— Возьми кого хочешь.

Когда корабль причалил к берегу, по сходне сошли семнадцать человек, неся с собой кувшины для воды.

Гай Марий тоже сошёл на берег, ходил вдоль кромки прибоя. Щемящее чувство тревоги не давало ему покоя. Он обернулся, увидел бегущего к кораблю человека. Это был один из матросов, отправленных за водой. Гай Марий поспешил на корабль.

Как только матрос взбежал на палубу, он отчаянно закричал:

— Отчаливайте немедленно!

— Что случилось, где остальные? — загалдели, все кто был на палубе.

— Они все убиты, нужно спасаться.

Хозяин судна тут же отдал распоряжение:

— Сходню на борт, поднять парус.

Как только они отчалили, хозяин спросил матроса:

— Что случилось?

Бледный от волнения матрос уже отдышался:

— У меня с утра болел живот. Когда все пошли за водой, мне пришлось присесть в зарослях.

Вдруг послышались жуткие крики. Осторожно раздвинув кусты, увидел, как несколько всадников убивали моих спутников. Я бросился бежать изо всех сил. Вон, они показались, эти убийцы.

На берегу появился небольшой конный отряд:

— Эй, вы на корабле, — крикнул один из конников, — мы знаем, что у вас находится Гай Марий. Выдайте его нам, и получите награду.

Гай Марий подошёл к хозяину корабля, положил ему руку на плечо:

— За много лет жизни, я по выражению лица человека, научился угадывать мысли. Ты сейчас думаешь, что было бы не плохо, отдать меня им, получить обещанное вознаграждение. Я хорошо знаю квестора¹ Сицилии, этого подлого, низкого человека, алчного, грубого, имя, которого, я даже не хочу называть. Ты можешь так сделать, он отрубит мне голову. Но, знай, что твоя голова будет рядом с моей на городской стене. Квестор объявит тебя моим сторонником, что бы, не платить, отрубит голову. Решай сам, как быть.

Хозяин судна насупился, его мутные глаза помрачнели:

— Я и без тебя знаю, кто такой квестор. Судя, по всему, в Сицилию мне путь заказан. В море есть ещё много мест, где причалить. Ты принёс мне беду, я больше не хочу тебя видеть. Доставлю тебя на остров Менинг. Там наймёшь другой корабль, с этого острова легко доплыть до Африки, а там недалеко Цирты, столица Нумидии.

На острове Менинг Гай Марий узнал, что его сын Гай Марий — младший удачно добрался до царя Гиёмпсала. Теперь оставалось добраться Африки.

Тогдашний наместник Африки был претор² Секстилий, не враг и не друг, потому Гай Марий надеялся на благоприятный исход.

Когда корабль причалил к африканскому берегу, Гераний показал рукой на остатки зданий:

— Отец, видишь эти развалины? Это Карфаген.

— Давай здесь отдохнём и продолжим путь дальше, — пред-

¹ Квестор — одна из римских гражданских должностей/

² Претор — государственная должность в Древнем Риме.

ложил Гай Марий.

— Сейчас как раз время обеда.

— Вы можете поесть, я не хочу, только дай мне пить.

Беглецы остановились среди развалин, начали готовить пищу. Гай Марий отошёл в сторонку, уселся на песке, в тени разрушенной колонны.

«Какой был цветущий город, и он не устоял перед мощью Рима!», — перед внутренним взором предстала гибель города, ему казалось, он слышит предсмертные стоны поверженных врагов, торжественная поступь римских легионов, рёв пламени, поглощающего дома и храмы. Он вдыхал дым от пожарищ, задышался от пыли, в которую превращался город.

«Карфаген этот извечный противник Рима лежал в руинах. Только так можно было победить непокорный город. Все попытки удавить его разорительными контрибуциями, ни к чему не привели. Выплатив огромные средства, город снова расцветал. Это хорошо понимал Марк Катон Старший, призывавший после каждого выступления «Карфаген должен быть разрушен!». Его настойчивость, как капля воды, что точит камень, возымела действие.

Консул Луций Цензорин высадился со своими легионами и потребовал сначала сдать всё оружие, потом потребовал разрушения Карфагена. Жители попросили месяц на раздумье, тем временем начали готовиться к обороне. Наивные! Они надеялись стать победителями. Понадобилось три года, что бы захватить и уничтожить город, но, цель была достигнута“, — Гай Марий опёрся спиной о колонну, вытянул затёкшие ноги, — „Что же помогло им победить Карфаген? Настойчивость и беспощадность. Есть ли такие черты характера у меня? Нет!“, — тут Гая Мария посетила простая и практичная мысль, — „Что бы победить Суллу, нужно быть абсолютно беспощадным ко всем, кто хоть в малой степени является его сторонников. Уничтожать всех без малейшей пощады! Хватит этой нерешительности! Все мои неудачи только от того, что нет у меня той беспощадности к врагам, как у тех, кто разрушал Карфаген!

Что блеснуло у его ног, Гай Марий наклонился и увидел небольшой белый овальный камень, с вкраплениями белой слюды, сверкавшей на солнце, немного присыпанный песком. Он поднял его ближе к глазам и отшатнулся. Ему показалось, что в его руках было изображение ужасного лика: лысая голова, две тёмные точки, уподобившиеся глазам, провалившийся нос, как у черепа, косая трещина беззубого рта, острый подбородок, испещрённые оспинами щёки.

Гай Марий слышал о кровавых жертвоприношениях карфагенским богам, может это один воплотился в этот камень после гибели города. Их встреча не случайна, этот жестокий бог приведёт его к власти ценой целого моря крови.

Гай Марий ещё взглянул на камень, ему почудилось, что в этих точках, которые он принял за глаза, вспыхнул кровавый свет, а рот чуть раскрылся, требуя человеческой крови.

«Да, — прошептал Гай Марий камню, — я исполню твою волю, залью улицы Рима кровью, клянусь тебе, неизвестный бог, мой повелитель, что я исполню, свой завет, напоить тебя кровью моих врагов!».

Он бережно положил камень на песок, уважительно склонил голову перед ним.

Послышался шум, доносившийся с той стороны, где располагались его спутники, они что-то возбуждённо кричали, показывали руками в сторону морского побережья. По кромке берега двигалось десять всадников. Они подъехали к ним, постояли, рассматривая их.

Один из всадников, на белом коне, отделился от прочих подъехал вплотную к Гаю Марию. Его загорелое лицо было жёстким, грубым, словно вырубленное из бревна неумелым скульптором.

— Ты Гай Марий? — спросил он хриплым от жажды голосом, прищурившись от яркого солнца.

— Да, — кратко ответил Гай Марий.

— Претор Секстилий запрещает тебе, Гай Марий, высаживаться в Африке, иначе он встанет на защиту постановлений

сената и поступит с тобой, как врагом римского народа.

Низко опустив голову, он пошевелил песок под своими ногами, затем взглянул с ненавистью на этого воина. Ему страстно захотелось шагнуть вперёд, подпрыгнуть и за волосы скинуть воина с лошади, подтянуть к тому месту, где лежал его камень — божество, перерезать ему горло. Что бы горячая, дымящаяся кровь окропила рот этого божества, эта была первая жертва из множества последующих. Он даже вздрогнул от желания, руки его затряслись: «Нет, ещё не время расправляться с врагами, он ещё не имеет ни сил, ни возможности осуществить свою месть. Да, жертв будет много! Надо не забыть того стражника, что вытаскивал меня из болота, он тоже мой враг!».

— Так что передать претору? — всадник слегка наклонился вперёд.

— Возвести ему, что ты видел, как изгнанник Марий сидит на развалинах Карфагена, — и махнул рукой в сторону своих спутников, — собирайтесь, мы уходим.

Было жарко. Стражник у ворот Цирты изнывал от жажды и только думал о том, что бы скорее его сменили.

К нему подошёл пожилой высокий странник, в запylённой изношенной тунике, с давно не бритой щетиной:

— Позови мне начальника стражи.

— Да кто ты такой, что бы я его тебе звал? — с презрением спросил стражник.

— Я Гай Марий, бывший шесть раз консулом Рима, личный друг царя Гиемпсала. Если он узнает, что ты не почтительно со мной обращался, сдерёт с тебя шкуру.

Стражник испуганно попятился назад и крикнул: «Начальник стражи, подойдите ко мне!».

Через некоторое время к ним подошёл другой воин, с довольным злым лицом:

— Что случилось?

— Этот человек утверждает, что он личный друг царя Гиемпсала.

Начальник стражи внимательно взгляделся в лицо Гая Мария и поклонился ему:

— Господин, прошу прощения за этого стражника, если он был не вежлив с вами. Этот воин совсем недавно служит в столице, не знает вас. Я провожу вас и ваших спутников во дворец царя, немедленно доложу ему о вашем прибытии.

Гай Марий и его спутники поспешили за начальником стражи, забыв о незадачливом воине.

Царь Гемпсал встретил Гая Мария с радостной улыбкой, обнял его:

— Рад тебя видеть в полном здравии. До меня дошли известия, что творится в Риме, — опережая вопрос Гая Мария, продолжил, — но, о делах потом. Про сына не беспокойся, он жив и здоров, правда, его нет сейчас во дворце, вышел прогуляться город. Я немедленно велю его разыскать и привести сюда. Он очень переживал за тебя. Сейчас смой с себя пыль и грязь, подкрепись, отдохни. Вечером устроим пир, тогда поговорим о наших делах. Я прикажу выделить комнаты во дворце, для тебя и твоих спутников. Ты согласен, друг мой?

— Я согласен, мне за эти дни пришлось многое пережить.

Омывшись, Гай Марий, переоделся в принесённые царскими слугами одежды, немного поел, прилёг отдохнуть. Впервые, за долгое время он чувствовал себя в безопасности, мог спокойно строить планы на будущее. Нужно было узнать, новости из Рима, послать своих людей сеять смуту, собрать всех недовольных Суллой, выпросить у Гиемпсала корабли и войско, для возвращения в Италию. Судя по тому, как царь его принял, с последним трудностей не будет.

Только одно сейчас волновало Гая Мария — встреча с его сыном.

Дверь распахнулась, комнату вбежал Гай Марий — младший. Он кинулся к отцу, стал целовать его руки:

— Отец, я так рад тебя видеть! Я весь отчаялся, ожидая тебя. Ты жив и здоров и это главное.

— Со мной всё хорошо. Успокойся. Мы в окружении друзей,

в безопасности и надеюсь, наши дела отныне пойдут хорошо.

— Да, да, этот так — заверил его сын, — до меня дошли хорошие известия. Сулла ушёл из Рима в поход, в городе не спокойно.

— Всё это мы обсудим вечером, на пире, который в честь меня устраивает царь Гиёмпсал. Мне нужны для возвращения его корабли и воины. Я думаю, что этот вопрос уже решённый.

Гай Марий взглянул в лицо сына и залюбовался им. Статью он пошёл в отца, высокий, крепкий с широкими плечами, сильными мускулистыми руками. Гай Марий — старший отличался грубыми чертами лица. Сын перенял красоту матери, тонкие черты лица, прямой нос, большие карие глаза с поволокой, так нравившиеся женщинам. Черные как смоль волосы и борода делали его лик мужественным и решительным.

Вечером состоялся пир во дворце Гиёмпсала. Звучала музыка, прелестные танцовщицы кружились в танце, страстные и доступные, слуги подносили различные угощения.

Царь Гиёмпсал возлежал, по римскому обычаю, рядом с Гаём Марием — старшим, сам угощал его виноградом, фруктами, наливал вино.

— Не пора ли нам поговорить о делах? — спросил Гай Марий.

Царь Гиёмпсал поморщился, словно хлебнул уксус:

— Посмотри, друг мой, Гай Марий, какой пир! Прелестные женщины, музыка, изысканные угощения. Сердце моё радуется при виде тебя. Поверь, нет у меня сегодня настроения, обсуждать серьёзные дела. Завтра, выспимся, отдохнём, тогда придёшь и поговорим. Веселись! Хочешь, я пришлю тебе женщину, которую пожелаешь, она разгонит твои мрачные мысли.

— Не хочу. Я действительно устал, не мешало бы хорошо выспаться.

— Ну, вот и отлично — Гиёмпсал громко засмеялся.

На следующий день, уже ближе к полудню, Гай Младший отправился Гиёмпсалу, с удивлением узнал, что царь утром отправился на охоту и будет во дворце только через три дня.

Раздосадованный Гай Марий, вернулся в свою комнату. Три дня прошло в беспокойном ожидании, как только царь вернулся,

он поспешил встретиться с ним.

— Понимаю тебя, мой друг, — улыбаясь, заговорил Гиempсал, — ты в обиде на меня. Мне утром сообщили, что видели огромного льва, который уже убил несколько человек. О нём ходили слухи, что он просто огромен, царь львов. Так кому, как не мне, царю людей, одолеть этого зверя. Я хотел и тебя взять, но, ты спал, мне не захотелось тебя будить, ты ведь так устал с дороги.

— А, где же убитый лев?

— Увы, друг мой он оказался хитрее. Сколько мы не пытались его настичь, так нам это не удалось. Хочешь немедленно поговорить о делах? Только не сегодня, дай теперь мне отдохнуть.

— Завтра мы точно поговорим? — глядя в упор на царя спросил Гай Марий.

— Ну, как ты мне не можешь верить! — положила руку на сердце, сказал царь, — обещаю тебе, завтра в полдень мы всё обсудим.

На следующий день Гиempсал встретился с Гаem Мариem.

— Так что ты хочешь, друг мой? — беспокойством в голосе спросил царь.

— Я не буду долго рассказывать, отвечу сразу: мне нужен флот кораблей пятьдесят и воины на эти корабли. С ними я вернусь в Рим, стану там консулом.

— Ты же знаешь, у меня совсем маленький флот. Большинство моих кораблей нуждаются в починке, у одних прогнили борта, другим надо будет поменять мачты и паруса. Я прикажу усилить работы, что бы быстрее привести их в надлежащее состояние. Что касается воинов, как раз перед твоим прибытием, пришло известие: на южных границах были обнаружены большие шайки разбойников. Почти всё войско я отправил против них.

Как, только они разгромят врагов, прикажу им немедленно вернуться, они помогут тебе.

— А, если нанять корабли и воинов?

— На какие средства? У меня слишком маленькая казна, едва хватает на управление государством. Поднять налоги не могу,

народ взбунтуется, они и так меня не очень любят.

— Что выходит сделать ни чего нельзя? — растеряно спросил Гай Марий.

— Почему? Не надо отчаиваться! Необходимоемного подождать, пока готовиться к твоему возвращению в Рим. Со своей стороны, я обещаю принять все меры, что помочь тебе.

— Надеюсь, мне не придётся долго ждать.

— Я тоже надеюсь, друг мой. Отдыхай, набирайся сил и готовься. Всё будет хорошо.

Ободрённый обещаниями царя, Гай Марий вернулся к себе, стал думать, что он будет делать, когда вернётся в Рим.

Уже десять дней как Гай Марий — младший встретился с отцом. Он хотел быстрее вернуться в Италию, что бы начать борьбу против Суллы, но, ни каких изменений не происходило, это его раздражало. Ему надоел дворец, он решил прогуляться по городу.

Гай Марий — младший свернул на тихую улочку, побрёл по ней, с интересом рассматривая дома.

— Господин, — услышал он женский голос, обернувшись, увидел пожилую женщину, закутанную в лёгкое покрывало, — я хотела бы с вами поговорить.

— Ты кто? — удивлённо спросил Гай Марий — младший.

— Это не важно, кто я, господин, — ответила женщина, — важно другое: вам и вашему отцу угрожает опасность.

— Откуда ты это знаешь? — он схватил женщину за руку.

— Отпустите меня, не надо привлекать к себе внимание. Приходите один, к фонтану, в царском саду, в полночь, когда сменится третья стража, тогда всё и узнаете.

Женщина свернула в переулочек и исчезла, Гай Марий — младший вернулся во дворец.

До самой полуночи он не мог успокоиться. Идти или нет? Вдруг это ловушка? Или может действительно им грозит опасность? Поведение Гиемпсала очень подозрительное, тянет время, для чего?

В конце концов, он решил идти, на всякий случай, прихватил с собой кинжал.

Стоя в тени деревьев, видел, как меняется стража, потом наступила тишина, только журчание фонтана нарушало ночной покой.

— Гай Марий — услышал он женский голос, звучавший приятно и мелодично, — не бойся, я твой друг.

Подойдя ближе, держа руку на рукояти кинжала, он узрел невысокую изящную стройную женскую фигуру. Женщина откинула покрывало, скрывавшее её лицо, оно ему показалось знакомым. Она была очень красива, белокурая, очаровательные большие глаза, нежные черты лица, милая улыбка.

— Кто ты?

— Я, Эльпида, царская наложница.

«Так вот где я её мог видеть, — подумал он, — в свите царя Гиемпсала», — и спросил:

— Что хочешь рассказать?

— Царь Гиемпсал хочет предать тебя и твоего отца в руки Суллы.

— Откуда тебе это известно?

— Мне удалось, за хорошую плату, на время, перехватить письмо царя к Сулле, — Эльпида достала из складок одежды свиток, — тут недалеко есть беседка, скрытая от посторонних глаз. Я зажгу светильник, ты прочтёшь, убедишься сам. Только прошу, ни чего со свитком не делай, мне необходимо его вернуть.

Они осторожно двинулись по тропинке в дальний конец сада, где скрылись в тёмной беседке. Эльпида зажгла приготовленный там светильник, развернула письмо:

— Читай и поверь мне.

При тусклом свете светильника Гай Марий — младший всё же смог прочесть письмо:

«Царь Нумидии Гемпсал приветствует тебя, непобедимого Луция Корнелия Суллу. Спешу сообщить, твой враг Гай Марий сейчас находится в моих руках. Я задержал его, под разными предложениями, хотя он стремится вернуться в Рим. Он просит

у меня корабли и воинов. Пока о ни чём не подозревает. Не думаю, что мне удастся здесь его задержать надолго. Поэтому прошу, как можно быстрее дать ответ, как с ним поступить, казнить по твоему повелению, или доставить его к тебе живым.

Царь Нумидии Гимсал, твой друг».

Гай Марий опустил письмо, от отчаяния закусил нижнюю губу:

— Всё пропало.

— Не всё пропало. Я помогу тебе и твоему отцу спастись, если ты, если ты..., — и она с жаром припала к губам Гая Мария в страстном поцелуе.

Он растерялся в первый момент, но нежность поцелуя этой красивой женщины заставила забыть о грозящей опасности. Прижал её к себе, они целовали друг друга не в силах оторваться. Насладившись, женщина слегка оттолкнула его от себя и проговорила:

— Я влюбилась, как только увидела первый раз, но боялась подойти к тебе. Когда узнала о грозящей тебе опасности, решила предупредить. Я помогу тебе и твоему отцу бежать. Сейчас же, хочу твоей любви.

Эльпида повернулась спиной к нему, немного наклонилась, поставила одно колено на скамью беседки, обнажив красивые упругие бёдра.

Гай Марий ощутил, как страсть захлёстывает, прижался к ней.

При каждом движении женщина постанывала, потом изогнулась, что бы крик сладострастия не вырвался из её губ, вцепилась зубами в свою руку.

Гай Марий — младший давно уже не был с женщиной, всё ни как не мог остановиться, казалось, это соитие будет длиться вечно.

«Если царь узнает, что Эльпида была со мной, то отрубит ей голову, меня вышлет отсюда вместе с отцом к Сулле. Он предатель, царь Гиёмпсал. Так и надо поступать с изменниками, позоря его, занимаясь любовью с царской наложницей», — с злорадным подумал он.

Эта опасность не пугала его, наоборот, ещё сильнее подстё-

гивало его страсть.

Предчувствуя надвигающееся сладострастие, он начал двигаться быстрее, сжал бёдра женщины ещё сильнее, словно земля ушла у него из-под ног, когда он достиг вершины удовольствия: «Вот так, вот так, ещё, ещё, двигайся, хорошо», — шептал он ей на ухо.

Некоторое время они сидели неподвижно на скамейке, обесиленные. Потом Гай Марий — младший обнял её и нежно поцеловал.

— Мне нужно идти, — сказала, Эльпида, поправляя одежду. Я расскажу, что нужно сделать. У меня только одно условие — вы возьмёте меня и мою служанку с собой. Ты согласен?

— Согласен. Другого выхода у меня нет.

— Тогда слушай, — и она рассказала ему, что задумала.

— Завтра моя служанка придёт к тебе, за ответом. Письмо, как доказательство, пусть пока останется у тебя. Объясни всё отцу и верни письмо служанке, мне его необходимо отдать.

— Я с утра переговорю с отцом.

Всю ночь Гай Марий — младший не мог уснуть, с трудом, дождавшись утра, даже не умываясь, поспешил к отцу.

Отец уже встал, у него был цирюльник, который закончил брить его, теперь особыми щипчиками удалял все волоски с тела своего клиента.

— Отец, — обратился к нему сын, — мне необходимо срочно с тобой поговорить.

— Это не может подождать немного? — удивлённо спросил Гай Марий — старший.

— Нет.

— Можешь идти, — обратился он к цирюльнику, — что такого срочного случилось?

Сын проводил цирюльника до двери, постоял, прислушавшись. Резко распахнул створки, закрыл их, убедился, что их ни кто не подслушивает, вернулся обратно.

— Дело в том, что сегодня ночью я встречался с наложницей царя Гиёмпсала...

— Как ты посмел это сделать, нарушить закон гостеприимства? — Гай Марий — старший соскочил со своего сидения, лицо его от гнева пылало.

— Гостеприимство? — в свою очередь разозлился сын, — называешь гостеприимством гнусное предательство? Эта женщина, Эльпида, передала мне письмо Гиёмпсала к Сулле, в котором он сообщает, что готов передать нас в его руки. Вот это письмо, — и Гай Марий — младший протянул свиток отцу, — только читай аккуратно, мне нужно его вернуть. Надеюсь, тебе знаком почерк царя?

Выражение лица Гая Мария — старшего по мере чтения менялось от недоверия до тревоги, а потом и полного уныния. Он опустился на сидение, застыл недвижно, глядя в одну точку с письмом в руках.

— Отец, ещё не всё пропало, мы можем спастись, — сын тряс его за плечо.

— Что? — Гай Марий непонимающим взглядом уставился на сына, — о чём ты? У нас нет ни каких средств.

— Эльпида всё уже продумала. У неё достаточно денег, что бы покинуть Цирту, нанять повозки. Через два — три дня мы достигнем побережья. Там наймём корабль и уплывём.

— Куда уплывём?

— На Керкину. Этот остров недалеко от Италии, там соберутся все, кто против Суллы. Есть только одно условие: Эльпида и её служанка отправятся вместе с нами. Согласен? В полдень придёт служанка Эльпиды, мы отдадим ей письмо и наш ответ. Завтра с утра мы должны по одному — два человека покинуть город. В условленном месте нас будут ждать повозки со всем необходимым. Сейчас необходимо предупредить наших людей, что бы они незаметно готовились к побегу.

У царя Гиёмпсала с утра было хорошее настроение, с моря дул прохладный ветерок, он хорошо выспался, с аппетитом позавтракал. Теперь было необходимо заняться государственными делами.

Выслушав от своих приближённых доклад о том, что произошло за сутки в стране и в столице, он обратился к управляющему дворцом:

— Как там поживает Гай Марий?

Тот неопределённо пожал плечами:

— Вроде, ни чего не подозревает.

— Письмо Сулле отправлено?

— Да, на самом быстроходном корабле.

— Это хорошо, надо укрепить неведение Гая Мария. Постарайся распустить слух в городе о больших полчищах разбойников на наших южных границах, отправить в этом направлении часть войска. Сейчас пригласи Гая Мария ко мне.

Через некоторое время управляющий дворцом с растерянным видом предстал перед царём:

— Повелитель, ни Гая Мария, ни его спутников во дворце нет.

— Может они просто отправились в город?

— Их нет во дворце уже два дня.

Царь Гиёмпсал резко поднялся с трона:

— Немедленно позвать мне начальника конницы, приготовить коня для меня. Едем к городским воротам.

Возле городских ворот царь резко осадил коня. Стражники возле ворот, построились, завидев Гиёмпсала, их командир приветствовал царя.

— Скажи, это та стража, что стояла с утра два дня назад?

— Нет, они заступят в ночь.

— Где они сейчас?

— В казармах готовятся к службе.

Царь развернул коня и коротко приказал:

— Едем туда.

Появление царя в казармах вызвал небольшой переполох, воины вбегали строиться, командиры подгоняли опаздывающих. Когда построение было закончено, Гиёмпсал приказал:

— Кто два дня назад, с утра, стоял на страже городских ворот — выйти из строя.

Не знающие, что их ожидает, воины робко вышли из строя,

построились в одну шеренгу.

— Кто-нибудь из вас, видел как Гай Марий покидал город?

— Я, — ответил молодой воин, стоявший в самом конце шеренги.

— Он один ушёл?

— Нет, с ним вышли ещё три чужеземца.

— Куда он направились?

— По дороге, в сторону моря.

— Ты ни кого больше не видел?

Воин немного задумался:

— Я ещё видел, как через ворота прошла ваша наложница, Эльпида, ещё удивился, почему она направилась в ту же сторону, что Гай Марий.

— Что? Эльпида? — удивился Гиempсал, и тут в его голове сложилась чёткая картина, кто предупредил Гая Мария, почему они сбежали. Он наклонился к воину и закричал на него:

— Почему ты их не задержал?

Побледневший воин отшатнулся, испуганно ответил:

— У меня не было приказа это сделать.

— Ясно, — ответил Гиempсал, поняв свою оплошность. Надо было с первого дня устроить слежку за Гаem Мариem, приказать страже не выпускать его из города. Но, откуда он мог знать о предательстве Эльпиды. Он повернулся к начальнику конницы:

— Немедленно отправь отряд по дороге к морю, возможно, мы сможем их догнать. Верни мне Гая Мария и его сына, остальные мне не нужны.

— А, Эльпиду?

— Делайте с ней, что хотите, я не знаю такой женщины, она умерла, — и холодно посмотрел на начальника конницы.

Конные повозки медленно двигались по пыльной дороге, вдоль которой росли чахлые кустики. Тревога всё больше охватывала Гая Мария, ему казалось, что какая — то непреодолимая сила преследует их. Хотя прошлый день и ночь прошли спокойно, но мысль, что обнаружив их бегство, Гиempсал выслал погоню,

не оставляла его. Он всё чаще оглядывался назад, не клубится ли пыль на горизонте, от всадников, высланных вдогонку. Гай Марий нервно спросил у возницы:

— Далеко ещё до моря?

— Нет, — спокойно ответил тот, — но лошади устали, их необходимо напоить. Тут, близко, имеется источник, надо остановиться.

— Это много времени займёт?

— Совсем немного.

Когда лошади свернули к источнику, Гай Марий не в силах ждать, когда окончится водопой, остался на дороге. Он с нетерпением прохаживался, глядя в ту сторону, где остался город. Вдруг он резко остановился, едва не наступив на двух дерущихся скорпионов, присел, с вниманием стал их рассматривать.

Насекомые бились насмерть, ни один не хотел уступить другому.

«Я назову того, что справа Гаем Марием, а того, что слева — Суллой. И пусть боги даруют победу одному из нас», — решил он.

Сын подошёл к нему, тронул отца за плечо:

— Пора ехать, лошади напоены.

— Подожди немного, это очень важно.

— Что важно? — не понял Гай Марий.

— Битва.

Тут левый скорпион обошёл своего противника сбоку, опрокинул его и ядовитым жалом ударил в грудь.

— Значит Сулла победит, — медленно произнёс Гай Марий — старший.

— Отец, пора ехать. Там, на побережье, нас ждёт корабль. Я ещё вчера послал верхом человека, что бы он нанял его.

— Да, пора, — Гай Марий поднялся, — но, я сделаю всё, что бы победа Суллы досталась ему с трудом.

После прибытия на Керкину им пришлось вернуться ещё раз на африканское побережье, в Мавританию. Там он набрал небольшое войско знаменитых мавританских всадников. Из Италии пришли ободряющие новости. Сулла покинул Рим,

отправившись в Беотию, сражаться с войсками Митридата.

Два оставшихся консула Октавий и Цинна, поссорились. Да и не могли они быть в мире, Гай Марий отлично их знал. Зря Сулла их сделал правителями Рима. Октавий был законником, придерживался сам и строго требовал от других соблюдения всех законов государства.

Цинне же, эти законы были как удавка на шее. Не удивительно, что вскоре между группировками, поддерживающими консулов, начались вооружённые столкновения. Однако, Октавию удалось победить, и Цинне пришлось уносить ноги.

К отряду мавританских всадников присоединились его сторонники, примерно тысячу человек. Решено было переплыли море, направиться к этрусскому городу Теламону. Там он хотел пополнить войско рабами, и самое главное, этрусками. Этот народ всегда был храбрым и воинственным, относился к Риму с нескрываемой неприязнью.

Гай Марий не любил путешествовать по морю, не столько из-за того, что его терзала морская болезнь. Находясь на корабле, он был им ограничен, его кипучей натуре не хватало действия.

Единственное, чем ему оставалось это вспоминать прошлое, раздумывать о будущем. Сколько же врагов пришлось ему обойти, первым из них был Цецилий Метел.

Цецилий Меттел, назначенный консулом и командующим войсками, сражавшими с Югуртой, не был тем полководцем, который вместе с легионерами ест один хлеб, спит с ними на одной подстилке, копает ров или устанавливает частокол, вокруг лагеря, разделяя с ними все тяготы воинской службы. Он мог только повелевать ими, воздавать им почести, деньги или наказывать, порой не справедливо.

Гай Марий делил с простыми воинами все их трудности и если наказывал, то только за дело, потому они ни когда не роптали против него, любили и уважали. Все легионеры считали, что война может закончиться, если ими будет командовать Гай Марий. Этот авторитет среди простых легионеров раздражал

Цецилия Метелла. Открыто они стали враждовать после казни связанного с Цецилием Метеллом наследственными узами гостеприимства, его друга Турпилия.

Этот Турпилий командовал вспомогательными войсками из плотников и строителей. Он был назначен руководить римским гарнизоном в нумидийском городе Баге. Мягкий и добрый по натуре человек, ни сколько не притенял жителей, доверил им самим управлять делами. Чем они воспользовались, составив заговор, открыв ворота, царю Югурте.

По просьбе жителей царь не стал казнить Турпилия, отпустил его с миром. Гай Марий, же посчитал это изменой, добился на суде смерти друга Цецилия Метелла.

Когда открылась правда, что вины Турпилия нет, Гай Марий ни сколько не раскаивался.

Он хорошо помнил, как мешал ему Цецелий Метелл стать консулом и потому был рад любым способом навредить недругу. Особенно был памятен тот разговор, что произошёл, когда Гаю Марию надо было срочно появиться в Риме, для избрания его консулом.

Гай Марий вошёл в палатку полководца. Он был решительно настроен, идти до конца, вырвать разрешение покинуть лагерь. Слишком мало времени оставалось до проведения выборов.

Цецелий Метелл что то писал на деревянной дощечке, покрытой воском. Он поднял голову, увидев вошедшего, криво ухмыльнулся:

— Это ты? Так, значит, милейший, собираешься покинуть нас и плыть домой, домогаться консульства? Не хочешь ли стать им в один год с моим сыном?

Гай Марий молчал. Он прекрасно понимал смысл слов Цецелия Метелла. Его сыну было всего двадцать лет. По закону Рима высшую должность мог занять тот, кому было не меньше сорока двух лет. То, есть предлагал подождать ещё двадцать два года.

— Ну, что стоишь, иди, видишь, у меня много дел.

Гай Марий сделал шаг, наклонился, внимательно посмотрел

в лицо Цецелию Метеллу, сказал ему медленно и чётко:

— Если ты непустишь меня для выборов в Рим, клянусь Юпитером, я взбунтую войско. Они поддержат меня. У тебя будут очень большие неприятности, обещаю тебе это.

Цецелий Метелл побагровел от ярости, знал, какой популярность в войске пользуется Гай Марий и его слова не пустая угроза:

— Ну, хорошо, я отпущу тебя, через пятнадцать дней, проваляй отсюда. Что бы всё это время, до твоего отъезда, ты мне на глаза не попадался.

В срок, который он определил, до выборов оставалось всего двадцать дней и Цецилий Метелл, надеялся, что Гай Марий за это время не успеет добраться из Африки до Рима. Но, к его удивлению тот затратил на весь путь всего шесть дней.

Рим, уже бурлил к этому времени, везде, на улицах, форумах, в домах, лупинариях только и было слышно о Гай Марии, его мужестве, решительности, о том, что только он способен закончить вону в Нумидии победой.

Огромная толпа сопровождала его по городу, среди них были те, кто искренне желал избрания в консулы. Было немало тех, кто за деньги прославляли его, с помощью силы, подавляли подававших голос против.

Его желали слушать, он выступал, когда видел, что собралось много народа. Говорил он всегда одно и тоже, обещая, разжигая ненависть к знатым людям Рима.

«Друзья мои! Я рад, что вы пришли поддержать меня. Часто задаю себе вопрос, почему вас так много? И сам себе нахожу ответ — потому, что я один из вас, простых людей. Мне хочется сделать вашу жизнь лучше. Разве могут эти знатные и богатые знать беды и чаяния простых людей. Нет! Они глухи к вашим несчастьям, у них одна забота, как бы набить в свои кошельки сестерциев, как бы хитрее обобрать простых людей. Для этого они всеми силами стараются занять различные должности и самую высокую из них, консула.

Чем они гордятся, эти изнеженные и развращённые сенато-

ры? Это женщинам подходит изящество, а мужчинам только труд. Древность своего рода, их предки, изображение которых хранятся в их домах, вот то, единственное, чем они гордятся. Да, эти предки были смелыми и воинственными людьми, спасавшими Рим в трудные времена. Разве они бы не предпочли таких потомков, как я? Думаю, родоначальники были бы очень недовольны, узнав в какое ничтожество впало их потомство, развращённое и изнеженное. Кто как не я, близкий вам по духу человек сможет вам помочь, заботиться о вас, простых людях, поднимать славу Рима.

Посмотрите, кто сейчас командует войсками? Бездари и трусы, такие как Бестий, который за золото Югурты предал Отечество, заключил с ним не выгодный для нас мир.

Или, Авл Постумий Альбин, который, допустил поражение нашего войска, к радости врага глумившегося над нами, проведя наших воинов под ярмом. Вы думаете эти продажные и трусливые людишки из знати думают о славе Рима? Очень сомневаюсь!

Когда я стану консулом, сделаю всё, что бы облегчить жизнь народа. Прежде всего, увеличу раздачу бесплатного хлеба. Проведу несколько бесплатных представлений, открою посещение бань для простых людей.

Кроме этого введу новый закон о воинской повинности. Любой, кто захочет быть защитником Рима, раб, отпущеник, неимущий гражданин сможет взять оружие. Воинская служба не легка, но, зато каждый из вас может взять воинскую добычу, возвратиться со службы богатым человеком.

Для меня консульство это трофей, вырванный из рук алчной и изнеженной знати, плата за эту должность, мои раны полученные в боях. Я обещаю, что Метелл, ни чего не смыслящий в воинском искусстве, будет смещён, захвачу врага Рима Югурту живым или мёртвым».

И он стал консулом. Когда ему рассказали, в какое бешенство пришёл, узнав о его победе, Цецилий Метелл, Гай Марий долго и злобно смеялся.

По окончании войны, Цецилий Метелл вернулся в Рим, их

взаимная ненависть ещё больше возросла. Им было противно, что каждый из них дышит одним воздухом Рима. Гай Марий всё же нашёл способ удалить своего соперника.

По уговору с Сатурнином, при принятии аграрного закона, наделявших ветеранов землёй в Африке, все сенаторы должны были проголосовать за принятие этого закона. Иначе им грозило изгнание. Единственный, кто выступил против, был Цецилий Метелл. Хотя, он не был против самого закона, был против формы его принятия.

Потому ему пришлось отправиться в азиатский город Траллы как изгнаннику. Так удачно удалось избавиться от одного из своих врагов.

Позже, когда он уже не был консулом, враги Гая Мария в сенате приняли решение о возвращении Цецилия Метелла из ссылки.

Гай Марий был вне себя от злобы. Что бы ни видеть ликование его противников, по поводу возвращения изгнанника, сделал вид, будто отбыл в Азию, что бы принести там жертв Матери всех богов Кибеле.

Однако зря он так переживал. Вернувшийся из ссылки Цецилий Метелл был уже не тот человек, что ранее. Сломленный, усталый, больной он тихо жил на своей вилле, больше не вмешивался в политические дразги.

В свой первый консулат он сдержал слово, создал армию, которую ранее не видел Рим. Армию, созданную из свободных граждан, вооружённых за счёт государства и подчинённую лично ему. С этой армией отбыл в Африку, что бы одержать победу в нумидийской войне. Это он, вынудил выдать Югурту, мощью своих легионов, а не Сулла, сколько бы тот бы не приписывал себе эту победу.

Второй раз он стал консулом совершенно неожиданно. Риму грозило вторжение неведомых до того многочисленных варваров, тевтонов, амбров и кимбров. Ради этого надменные сенаторы, понимая, что только такой полководец мог разгромить пришельцев, пошли на нарушение закона. Его избрали заочно, когда

он находился в Африке. Слишком была велика опасность для этих трусливых душонок, даже самые отъявленные из этих законников молча согласились на его избрание.

Но, в этом году варвары не появились в Италии, в следующем тоже. Однако, опасность не миновала, поэтому Гая Мария избрали в третий раз консулом.

Гай Марий не стал дожидаться врага в Италии, позволяя ему грабить цветущие города, сам двинулся навстречу противнику. Он выбрал место на берегу реки Родан. Там разбил свой лагерь, единственная трудность заключалась в том, что было трудно подвозить продукты и снаряжение. Вопрос решился просто, хотя и тяжким трудом: легионеры прорыли канал, обеспечив войско всем необходимым с помощью кораблей.

Во вторжении участвовали тевтоны и амбры, кимвры по какой-то причине отстали.

Они неожиданно появились перед лагерем римлян, заняли огромную долину, стали вызывать Гая Мария на бой. Полководец не спешил принять вызов. Для него было важным приучить своих легионеров к виду противника, что бы унять страх перед этими пришельцами, хотя и рослыми, сильными, но, людьми, а не страшными чудовищами. Он выводил свои когорты на вал, заставлял их смотреть на варваров, на их жилища, женщин, детей, как они пьют, едят, сидят у костров, словом, ведут себя как обычные люди, значит, их можно победить. Он учил их выдержке, не бояться натиска врага. В этом противостоянии с каждым днём уверенность в победе всё больше росла в душах легионеров. Они уже начали требовать битвы.

Узнав об этом, он вышел к воинам и сказал, что час битвы недалёк, нужно только выбрать нужное место и время.

Враг, считая выдержку Гая Мария за трусость, решил первым напасть на укреплённый лагерь римлян. Штурм был успешно отбит, большими потерями для варваров.

Тогда амброны и тевтоны решили двинуться в Италию, минув лагерь Гая Мария. Шесть дней они шли мимо римлян, осыпая их оскорблениями и язвительными шутками, спрашивая, не пере-

дать ли привет жёнам легионеров привет, когда они будут в Риме.

Гай Марий был уверен в своей победе, тем более, что знаменитая предсказательница сирийка Марфа предсказала успех. Поэтому, когда варвары прошли мимо, он свернул лагерь, не спеша двинулся за ними.

Место для битвы он выбрал возле одного примечательного места, называемого Секстиевыми Водами, известными своими горячими лечебными источниками. Правда, само сражение началось совсем не так, как рассчитывал Гай Марий.

Свой лагерь он разместил на высоком холме, с крытыми склонами. Отличная была позиция, за исключением, что там не было воды. Воины были недовольны, но он им указал, на реку, текущую у подножия холма, и сказал: «Завтра, вы разобьёте врага, спуститесь к реке. Вот вам питьё, за которое вы заплатите кровью». Солдаты потребовали немедленно вести их в бой, пока от жажды у них не высохла кровь, на что Гай Марий спокойно ответил, что нужно первым делом укрепить лагерь. Легионеры с неохотой, но повиновались.

Этот приказ не касался рабов, сопровождавших войско. Они спустились к реке, многие прихватили с собой оружие, стали наполнять водой кувшины. Стоявшие на противоположном берегу амброны, решили захватить их, переправились через реку. Вооружённые рабы встретили варваров с оружием в руках, началась всеобщая свалка. Римские воины кинулись на выручку своим рабам.

Гай Марий не смог удержать легионеров, боевая выучка, мужество римлян позволила им уничтожить множество варваров. Стычки продолжались до самых сумерек, множество трупов амбронов запрудили реку.

Гай Марий утром ждал нападения на его лагерь, но они напали только на следующий день. Этого дня ему хватило подготовиться к решительной битве.

Ночью он приказал Клавдию Марцелу, во главе трёхтысячного отряда отборных воинов, незаметно покинуть лагерь, зата-

иться в густом лесу. Всё это было проделано с целью, в нужный момент, нанести варварам неожиданный удар с тыла.

Когда легионы построились на вершине холма, озлобленные враги не стали ждать, когда римляне спустятся на равнину, первые ринулись в атаку. Они скользили, падали, на крутых склонах, ползли на четвереньках, ими владела только одна яростная мысль: скорее добраться до римских легионеров, вцепиться им зубами в горло, разрубить их огромными мечами, искромсать своими секирами.

Прикрытые большими щитами легионеры стояли непоколебимо, как каменная стена. Они легко поражали варваров, те падали, мёртвые тела катились вниз, сбивая с ног новые толпы нападающих. Шаг за шагом римляне оттесняли врагов на равнину. Когда уже совсем спустились с холма, свой удар нанёс Клавдий Марцел.

Множество амбронов и тевтонов осталось лежать убитыми, удоблив своими останками землю, что дало жителям Массили в следующем году небывалый урожай.

Римлянам досталась огромная добыча, сам Марий тоже обогатился. Он уже собрался праздновать свою победу, как ему принесли ещё одну приятную новость — он в пятый раз был избран консулом.

Опасность, угрожавшая Риму, ещё не была полностью снята. Кимвры, несколько запоздавшие вторглись в Италию. Соратник

Гая Мария, второй консул Катул, не смог удержать проходы в Альпийских горах, варвары ворвались в Италию, грабя города и селения. Поэтому ему пришлось срочно покинуть Рим, двинуться навстречу захватчикам.

Гай Марий сидел, закрыв глаза, размышлял о предстоящей битве. Он часто так делал, находясь в полудрёме, тогда к нему приходило верное решение. Вот он и сейчас думал о том, как провести сражение.

«В чём сила варваров? В их ярости и вооружении. Они вооружены тяжёлыми мечами, по два дротика и щиты. От дротиков легионер может укрыться за щитом, но они будут мешать дви-

гаться. Их можно перерубить. Римские дротики перерубить нельзя, они железные, древко толстое. Значит, если варвары будут бросать свои дротики в наши щиты, то от них легко избавиться. Для того, что бы избавиться от наших дротиков им надо будет щит бросать на землю, что бы их вытащить. А что, если им усложнить, это делать? Как? Да очень просто. Римское копьё крепится к древку двумя заклёпками, что если оставить одну, другую сделать деревянной? От удара копьё согнётся, и будет клонить щит к земле, открывая тело противника. Вот самое время бить коротким мечом, которым наши воины вооружены. В давке, в строю, огромные мечи варваров бесполезны. И так решено, сделать копьё на одной заклёпке»

— Консул, — прервал его размышления вошедший в палатку центурион, — прибыли послы от варваров.

— И что они хотят?

— Не знаю, — центурион неопределённо пожал плечами, — во всяком случае, не сдаваться.

— Что же, будет интересно их послушать, — Гай Марий поднялся, — приведи мне коня.

— Оружие подать?

— Варвары вооружены?

— Нет.

— Тогда и мне не надо.

Гай Марий с несколькими легионерами выехал за ворота лагеря. Многие взобрались на стены, наблюдать за переговорами.

В посольстве было десять человек, все огромного роста, в звериных шкурах, накинутах поверх доспехов. Голову украшали шлемы, в виде оскаленных звериных голов. Лёгкий ветерок слегка шевелил их длинные светлые волосы и такие же светлые длинные бороды. Яркое солнце слепило их голубые глаза. Все они были украшены золотыми цепями, браслетами, амулетами.

«Зря они нацепили на себя столько золота. Легионеры будут думать, что каждый из кимвров увешан золотом с ног до головы. И потому не будут с ними церемониться в бою. Впрочем, это

не плохо», — подумал он и представился

— Я Гай Марий, консул, командующий римским войском.

Один из варваров немного выдвинулся из строя:

— Я Байоринг, вождь кимвров.

— Что вы хотите?

— Мы хотим, что бы вы нам предоставили землю
в Италии, где бы мы могли жить.

«Да, наглость этих варваров поражает. Дать им землю и получить в соседства необузданную вооружённую толпу, которая в любой миг будет грабить наши города и сёла? Хватило нам галов¹», — и ответил кратко:

— Нет.

— Тогда мы, начнём битву, как только наши братья подойдут к нам, пусть боги решет, кому достанется эта земля.

— Кто же ваши братья? — с деланным интересом спросил Гай Марий.

— Наши братья — это тевтоны!

Позади Гая Мария раздался смех, это смеялись сопровождавшие его легионеры.

— Понятно, я то тут ломаю голову, кого же вы считаете своими братьями, — он усмехнулся. — Оставьте в покое ваших братьев, они уже получили от нас землю, и получили навсегда.

— Я вижу, ты смеёшься над нами, — Байоринг напрягся, — тебе за твои слова придётся ответить сейчас же, а тевтонам, когда они уже будут здесь.

— Что ты говоришь! Да они уже здесь, негоже вам уйти, не обняв своих братьев, — он наклонился к стоявшему рядом центуриону и прошептал: «Выведи за ворота пленных вождей тевтонов, пусть полюбуются на них. Махну рукой, заведи обратно».

Центурион ускакал, а Гай Марий обратился к варварам:

¹ В 387-м году до н.э. кельтское племя галов захватили Рим за исключением Капитолия, и ушли, получив громадный выкуп.

— Я прошу вас немного подождать, вы увидите со своими братьями.

Он слышал, как со скрипом открывались лагерные ворота, как понукали пленных вождей построиться в одну шеренгу. Он не оборачивался на пленников, всматривался в лица варваров, видел окаменевшие их лица, вспыхнувшую в глазах ненависть. Заметил как руки посланников потянулись к поясам, где висело оружие, не найдя его, кулаки сжались до побелевших косточек. Враги поняли, что сражаться им придётся без своих союзников. Насладившись видом бессильной злобы варваров, Гай Марий махнул рукой, пленных увели в лагерь.

Бойоринг, нахмутив брови, предложил:

— Необходимо договориться о дне и месте битвы. Пусть боги решат, кому отдать победу.

— Римляне ни когда не договариваются с противниками о битве, но, вы так любезны, — Гай Марий язвительно ухмыльнулся, — что я готов обсудить этот вопрос. Предлагаю начать битву через три дня, у города Верцелы. Там удобная равнина. Ты прав, пусть решают боги, — сам подумал: «И выучка моих легионеров».

Хотя местность не давала римлянам никаких преимуществ, сама погода была на их стороне. Стоял жаркий летний день, солнце светило в глаза варварам, они, привыкшие к прохладе своих родных просторов, изнывали от жары и жажды. Римляне жару переносили легко, двигались свободно и уверенно.

Первый удар нанесла конница кимвров, легионы выстояли, поразив множество всадников. Пехота кимвров, выстроенная прямоугольником на поле битвы, медленно двинулась в атаку. Что-то необычное было в их построении, присмотревшись, Гай Марий заметил, что первые шеренги врага сковали себя цепями, пропущенными через доспехи. Так они хотели предотвратить бегство с поля битвы. Это стало главной ошибкой варваров, лишённые возможности маневрировать в строю, они стали лёгкой мишенью. Тяжёлые длинные мечи, которыми они были вооружены, не позволяли наносить сокрушительные удары в тесном строю.

Разгром варварского войска был полным, тысячи полегли на поле битвы. Когда легионеры кинулись к лагерю кимбров, что бы разграбить его, им предстала жуткая картина. Как и в битве с тевтонами и амбронами, те, кто не хотел попасть в плен, предпочли лишиться себя жизни. Женщины, как у тевтонов, стоя на повозках, рубили топорами всех, и своих бегущих с поля битвы и римлян. Они закалывали детей, вешались на деревьях. Одна мать повесилась на дышле, при этом привязав петлями к лодыжкам своих младенцев детей, другие, привязывали себя к рогам быков, ударяли их мечами, гибли под копытами разъярённых животных. Кровью было залито всё: зелёная трава, стволы деревьев, повозки, животные, к рогам которых были привязаны, те, кто предпочёл позору рабства гибель.

Не смотря на это, побоище, в плен было захвачено шестьдесят тысяч, а погибших было вдвое больше.

Хотя в этой победе больше всего усилий приложил Катул и его воины, людская молва приписала заслугу в разгроме варваров Гаю Марию. Его даже называли третьим основателем Рима. Но, он поступил честно, разделил этот триумф с Катулом.

Какое благородство! Только вскоре эта чернь всё забыла.

Шестое консульство! Оно было самым горьким для него. Он добился изгнания из Рима Метелла. И что с того? Тот через несколько лет вернулся, хотя и прикинулся философом, которого не волнует политика, уже само его присутствие в городе было невыносимо.

Сколько усилий и изворотливости потратил, что бы провести закон о награждении своих ветеранов землёй. И каков результат? Эти неблагодарные людишки продали свои участки за бесценок, потянулись в Рим, за зрелищами и наслаждениями.

Он хотел оставить в живых Сатурнина, что бы через него править Римом. Враги опередили, коварно убив Сатурнина. Чем вызвали к нему ненависть как первых людей Рима, которые видели, как он содействовал многим преступлениям этого народного трибуна, так и черни, справедливо полагавшей, о его предательской роли.

Именно тогда, в шестой консулат он сам заложил основы тех бед, что с ним случились: бегство, скитания, постоянная опасность смерти.

Ничего, ещё не всё потеряно. Он войдёт в Рим как победитель.

Рано или поздно любой путь заканчивается. Завтра утром, они, достигнут цели своего путешествия, высадутся в Этрурии. Гай Марий знаком подозвал сына к себе:

— Когда мы причалим к берегу, постарайся в первый же день разослать гонцов с призывом желающих присоединиться к нашему войску. Обещай рабам свободу.

— Нам нужны деньги.

— Этрурия богатая область, здесь найдётся множество богатей, которые под высокие проценты с радостью нам ссудят деньги. Не скупись на обещания, в Риме много наших врагов, имущество которых мы рассчитаемся с кредиторами.

Действительно, привлечённые, славой великого полководца, в лагерь Гая Мария каждый день прибывали сотни людей. Большинство приходили, желая искренне помочь ему, спасшему страну от варваров, по их мнению, не справедливо изгнанному. Другие приходили из любопытства, но, охваченные общим порывом, оставались. Третьих привлекала возможность пограбить.

Хотя люди всё приходили, для захвата Рима их было явно мало. Тогда Гай Марий решил объединиться с Цинной. У того были свои сторонники, все вместе они уже представляли значительную силу. Он направил Цинне письмо с этим предложением, немедленно стал готовиться к походу.

Гай Марий решил выступить перед своими соратниками.

Как только он поднялся на построенную для этого трибуну, говор многотысячной толпы смолк.

Гай Марий поднял руку и приготовился говорить: «Лживые пламенные речи — самые правдоподобные», — вспомнилась ему поговорка. — «Что им сказать? Правду? В чём, правда? В том, что я хочу завоевать Рим из-за своего тщеславия, став единственным, кто избирался консулом семь раз? Да, хочу. Приложу все

усилия, что бы это так и было. Ну, это нужно мне, а им то, что надо? Обещание предоставить римское гражданство? Вряд ли. Вот возможностью пограбить зажиточных римлян, они всегда готовы воспользоваться. И предать меня в любой момент. Кто из них предаст меня первым? Может этот широкоплечий, кряжистый человек с сильными руками, явно кузнец? Или может этот стройный, розовощёкий юнец, с темными кудряшками, приготовивший меня слушать и открывший рот от ожидания?

Чем я недоволен, всё обратно и вернулось ко мне. Сам же предавал! Но, ради чего я делал? Не только, что бы увеличить свою славу, но и славу Рима. Это меня прощает, я предавал ради великой цели. Они готовы предать меня всего лишь пригоршню монет. Низкие люди, низкие цели. Но, без них я ни чего сделать не смогу и поэтому они нужны мне», — но ни чего подобного он им сказать не мог, его речь была совсем о другом деле.

«Друзья мои!», — начал он тихим хриплым голосом но, чем дальше он говорил, речь его становилась громче и яростнее, — «Многие из вас задаются вопросом, почему я здесь, человек, который был заслуженно избран консулом шесть раз, который разгромил огромные полчища варваров, тем самым спас страну от гибели и разорения. И вы знаете, что это не пустые слова. Так почему я не в Риме, скитаюсь как изгнанник? Я вам отвечу — из-за алчности, зависти и неблагоразумия аристократов, мнящих себя лучшими людьми государства. Чем лучше? Лучше вас, лучше меня, потому, что я считаю себя одним из вас. Они презрительно называют меня новым человеком. Я их называю трусами, они мне ставят в укор моё низкое происхождения, я в ответ раскрываю их подлости. Да, у меня нет изображения моих предков, но, зато у меня дома остались доказательства моего верного служения родине, мои награды. Сейчас я не могу вам их показать, единственное доказательство моей храбрости, которое всегда со мной это шрамы от ран, полученные в сражениях.

Мне чуждо изящество греческого языка, я привык разговаривать с простыми людьми простыми словами, которые они понимают. Своё воинское искусство я изучал не по книгам, на поле

боя, лицом к лицу к противнику.

Единственное моё стремление — это справедливость. Я хочу, что бы блага государства доставались не только кучке изнеженных аристократов, но и вам, простым людям. Что бы вы, ваши дети и внуки, ни когда не угнетались этими алчными людьми.

Без яростной борьбы нам не удастся добиться этой цели. Мы должны вырвать из их рук свои права на счастливую жизнь. Для этого нам придётся схватиться с ними в жестокой битве. Вспомните о славе ваших предков, будьте достойны их. Только ваша храбрость может решить исход дела, ибо трусость ещё ни кого не сделала бессмертным.

Я, человек честный, не скрываю от вас трудностей, пусть слабые и малодушные люди уходят, сильные и смелые разделят со мной победу. Те, кто останутся пусть будут готовы переносить холод и зной, тяготы и раны, пусть будут готовы спать на голой земле, терпеть жажду и голод. Я обучу вас воинскому искусству, что бы вы ни гибли, сражённые опытным противником. Только осознание, того, что всё это вы терпите ради своего будущего, будущих потомков поможет вам. Во всех ваших испытаниях я буду рядом с вами, направлять и поддерживать вас», — Гай Марий на несколько мгновений замолк и подумал: — «Надо им ещё кинуть кость как голодным псам. Одними речами сыт не будешь, золото, вот что должно больше всего привлечь их на мою сторону».

«Тогда боги, видя ваши чистые помыслы, станут на вашу сторону, обеспечат нам победу. Мы войдём в Рим триумфаторами, добьёмся своих целей, сурово накажем каждого, кто окажет нам сопротивление. Мы заберём их дома, рабов, деньги, изгоним семьи, поделим между нами их имущество. То будет справедливое наказание для всех, кто угнетал вас, кто относился к вам с презрением, не считая вас за людей. Вы вернётесь домой в ореоле победителей, боровшихся за справедливость и богатыми людьми! Так, вы согласны меня поддержать?».

«Да!», — вырвалось из тысяч глоток, — «Гай Марий, веди нас на Рим!».

«Я, друзья мои, благодарен вам за поддержку!», — он глубоко вздохнул, — «но, у нас слишком ещё мало сил, что бы овладеть Римом. Поэтому мы пойдём на соединение с консулом Цинной, так же, изгнанным этими подлыми и несправедливыми людьми. Вместе мы одержим победу!».

Цинна, узнав, что Гай Марий со своими сторонниками движется на соединение с ним, очень обрадовался. Авторитет этого полководца был очень высок, особенно в провинциях. Он выслал одиннадцать ликторов¹, с фасциями, как положено, для проконсульской должности, которую он предложил Гаю Марию. На удивление Цинне, тот отказался от этой должности, явился к нему в изодранной, грязной одежде, которую не менял со времени прибытия в Италию.

— Приветствую тебя, — широко улыбаясь, Цинна двинулся навстречу Гаю Марию, — я прикажу приготовить для тебя ванну и поставить палатку, где бы ты мог отдохнуть.

— Не стоит беспокоиться, я дал клятву не снимать эту одежду, пока не вернусь в Рим. Сейчас это не важно. Вопрос в том, как нам взять Рим.

— Я думал по всякому, у нас слишком мало сил, что бы штурмовать город.

— А мы и не будем его брать штурмом.

— Как это? — удивился Цинна.

— Мы возьмём и разорим прибрежные города, которые снабжают Рим хлебом, захватим Остию, гавань, куда приходят корабли с припасами.

— В Остии стоит сильный гарнизон, там много военных кораблей. Это не то, что грабить беззащитные приморские города.

— Ты помнишь, кто там претор Остии?

Цинна рассмеялся:

— Ну, как же Луций, по прозвищу Маркус. Только его воин-

¹ Особый вид госслужащих в Древнем Риме, исполнявших решения магистрата.

ственность гораздо меньше его алчности.

— Вот и удовлетворим его алчность. В нужное время он выйдет из города войска, под предлогом, отражения нашего нападения с суши, а корабли отправит совсем не туда, откуда придём мы.

— Отличный план. Кстати, ты знаешь, что произошло с Сульпицием?

— Нет, — Гай Марий, отрицательно покачал головой, — после моего бегства из Рима, я о нём ни чего не слышал.

— В отличии от тебя, Сульпиций решил скрыться на собственной вилле. Там он был выдан рабом, и казнён. Предателя щедро наградили. Затем, за предательство своего господина сбросили со скалы.

— Как же это по-римски — усмехнулся Гай Марий, — справедливое поощрение и справедливое наказание.

После воссоединения Цинны и Гая Мария дела у противников Суллы пошли более успешно. Были захвачено несколько прибрежных городов. Впервые города были разорены не в результате войны, для блокады Рима, что бы из этих городов не поступало питания для горожан. То, что гибли люди, горели дома и здания, насиловали женщин в мирное время, Гая Мария не волновало, это всё были жертвы его неведомому богу.

Как он и предполагал, взять Остию не представило труда, несколько талантов серебра вручили претору, и тот сам создал все условия для захвата этого порта.

Октавий сидел в таблинуме¹ и внимательно рассматривал лежащий перед ним свиток. Кто-то постучался в дверь, и он торопливо сунул свиток себе за пазуху.

— К вам пришли, господин, — раздался голос старого раба.

— Кто?

¹ Рабочий кабинет в доме римского жителя.

— Сенаторы Пий Фульвий Рустик и Луций Манаций.
— Проси их. А, ты, — он обратился к человеку, стоявшему перед ним, — спрячься в одной из комнат.

В табулиум вошли два человека в сенаторских тогах, первый из них Пий Фульвий Рустик был ещё крепким мужчиной лет пятидесяти, с гордой осанкой, поседевшими висками. Серые глаза смотрели из-под кустистых бровей угрюмо, тонкие бескровные губы плотно сжаты. Второй был уже старик, сгорбленный, тяжело прихрамывавший на правую ногу, из-за давней раны. Его морщинистое лицо выражало крайнюю степень раздражения, глаза постоянно слезились.

— Рад вас приветствовать, — Октавий поднялся.

— У нас ни какой радости нет, — глухим голосом ответил Пий Фульвий Рустик, — мы пришли по решению сената узнать, что ты, как консул, собираешься делать, что бы противостоять Цинне и Гаю Марию.

— Всё, что надо, делается, — недовольным голосом проговорил Октавий, — город укрепляется, войска готовятся к обороне.

— И это всё?

— Я считаю, что этого достаточно.

— Но, в Риме много сторонников Цинны и Гая Мария. Как быть с ними?

— Они под мои наблюдением.

— И только? — подал голос Луций Манаций. — Ты не боишься, как только Цинна и Гай Марий окажутся под стенами города, они начнут действовать.

— Что вы предлагаете?

— Сенат предлагает действовать более решительно. Объявить свободу всем рабам, которые вступят в наше войско, всех подозрительных, уничтожить, их семьи выслать, дома этих людей разрушить.

— Вы хоть представляете, что вы предлагаете? — Октавий резко поднялся, — опять начать резню! Вам мало того, что недавно погибло около десяти тысяч человек, вы предлагаете снова залить улицы Рима кровью? Я на это не пойду ни когда, тем более

вручать судьбу Рима рабам.

— Это твоё окончательное решение?

— Да, так и передайте сенату.

— Как бы тебе не пришлось пожалеть о принятом решении.

Мы пойдём, провожать нас не надо, — сенаторы развернулись и пошли прочь.

Как только они ушли, Октавий позвал раба:

— Позови мне халдея¹.

Перед самым приходом сенаторов, у Октавия был знаменитый халдей, мастер составлять гороскопы. Он как раз читал свой гороскоп, который составил этот звездочёт. Октавий приказал халдею скрыться в одной из комнат его дома, что бы его ни кто не видел из сенаторов:

— Ты точно составил гороскоп?

— Да, мой господин, — халдей с острым, бледным лицом, посмотрел на Октавия хитрыми маленькими блестящими глазками, и поклонился. — Звёзды говорят, что вы победите своих врагов, снова станете консулом.

Октавий немного помолчал, затем протянул ему мешочек с серебром:

— Вот тебе плата за твои труды.

Выйдя из дома, сенаторы не сели в носилки, на которых были к Октавию, решили, пройдишь пешком, что бы обсудить, как быть дальше.

Пий Фульвий Рустик в задумчивости шёл, ускоряя шаг, Луций Манаций, прихрамывая, еле поспевал за ним.

— Куда ты так разогнался, мне за тобой не угнаться, — задыхаясь от быстрой ходьбы, просипел Луций Манаций.

— Извини, когда я задумываюсь, всегда быстро хожу, — замедляя шаг, ответил Пий Фульвий Рустик, — что ты обо всём это

¹ Представитель семитских племён, занимавшиеся магией, колдовством, составлением гороскопов.

думаешь?

— Что я думаю? — Луций Манаций выругался, — вот что я думаю. Этот благородный глупец погубит не только себя, но и нас.

— То, что он сам подставит свою голову под меч, меня мало волнует. Что будет с нами? Не думаю, что Гай Марий нас помилует.

— Жаль, что умер от моровой язвы Страбон, он бы действовал намного решительнее.

— Есть ещё один человек, который сможет защитить Рим.

— Кто это? — заинтересовано спросил Луций Манаций.

— Квинт Цецелий Метелл Пий, сын Метелла Нумидийского.

— Он что, в Риме?

— Да, его войско отозвано из-под Нолы для защиты города.

Луций Манаций остановился, махнул рукой, приказывая рабам, несшим за ними носилки остановиться:

— Тогда нам надо немедленно отправиться к нему.

Они едва застали Квинта Цецелия Метелла Пия дома, тот уже садился в носилки, что бы отправиться куда-то по делам. С большой неохотой он вернулся обратно в дом, что бы выслушать сенаторов.

— Мы, от имени сената, обращаемся к тебе с просьбой взять защиту Рима на себя.

— А, что, разве консул Октавий дал вам такое право и отказался от своих обязанностей?

— Нет, но...

— Что значит, но? — красивое лицо Квинта Цецелия Метелла Пия исказила гримаса злобы, пухлые губы скривились в презрительной усмешке:

— Вы предлагаете мне свергнуть консула, захватить власть и пролить кровь своих сограждан! Невероятно! Возмутительно! Мне, сыну Метелла Нумидийского, который предпочёл изгнание беззаконию, вы предлагаете нарушить закон? Да как вы смели даже подумать, что я пойду на это? Я скорее покину Рим, чем

приму ваше предложение. Извините, меня ждут срочные дела, я тороплюсь, — и он указал сенаторам на дверь.

Выйдя на улицу, они в нерешительности, остановились, не зная, куда идти дальше:

— Не знаю как ты, — растягивая слова, сказал Пий Фульвий Рустик, — я сам склоняюсь к мысли, отправиться к Гаю Марию.

— И давно ты это решил?

— К твоей хромоте, видать, ещё один недостаток присоединился, ты слепнуть начал.

— С чего ты так решил? — обиженно спросил Луций Манаций.

— Ты что разве не видишь, что творится? Уже множество сторонников Октавия, которым надоела его нерешительность, оставили его, перешли на сторону Гая Мария. Как хочешь, я сделаю так же. И тебе советую. — Пий Фульвий Рустик подал знак рабам, они поднесли к нему носилки.

На следующий день он отправился в лагерь Гая Мария. Через два дня вслед за ним последовал Луций Манаций.

— Твой план по захвату Остии, то, что голод вынудит жителей Рима открыть ворота, успешно осуществился. Рим наш, остаётся только войти в него, — Цинна довольно рассмеялся.

— Ты можешь войти, я нет, — в отличии, от Цинны одетого в воинские доспехи, Гай Марий до сих пор был в той, одежде изгнанника, в которой и прибыл к нему.

— Почему? — удивился Цинна,

— Ты разве забыл, я был изгнан. Пока это постановление не будет отменено, я не имею права войти в город. Мы, же должны соблюдать закон, — Гай Марий зловеще усмехнулся.

— Ну, если так, то, я войду, сам первый в город, потом посодействую отмене твоего изгнания. Смотри, что это там за процессия к нам движется, кажется, сенаторы?

— Да, это они. Я уверен, будут просить не чинить насилия в городе. Только вот когда они нас изгоняли, ни кто за нас не просил.

— Принесите мне курульное кресло¹. Всё же я консул, меня ни кто не переизбирал, — приказал Цинна стоящим позади него воинам.

Цинна уселся в кресло, рядом стал Гай Марий.

Сенаторы торжественно прошествовали к ним:

— Мы, сенат и народ Рима, взываем к вам, консул Цинна и Гай Марий, с просьбой не чинить насилие, не проливать кровь своих сограждан, обращаемся к вашему милосердию. Мы добровольно признаём вашу власть.

Гай Марий наклонился к уху Цинны и прошептал: «Я же говорил, что будут просить пощады. Отвечай им».

— Я, консул Цинна, обещаю вам, что накажу только зачинщиков беспорядков. Поверьте мне, это коснётся очень немногих, ибо преступление должно быть наказано. Простить преступников, ввергших государство в беззаконие, значит поощрить их в дальнейшем творить свои преступления. Ты что скажешь, Гай Марий?

Гай Марий, стоял, отвернувшись в сторону, затем ответил:

— Вы свободны, идите по домам.

Первый, кто был убит по приказу Цинны, был ненавидимый им Октавий.

Два десятка человек толпились возле дома Октавия, один из них рослый широкоплечий грек стучался в калитку:

— Кто там, — слышался испуганный голос раба привратника.

— Открывай немедленно, собака, мы к твоему господину. Если не откроешь, мы взломаем дверь и зарежем тебя.

Калитка отворилась и они, пройдя через атрий², вошли в таблинум. Увидев ворвавшихся людей, Октавией встал и грозно спросил:

¹ Курульное кресло считалось символом власти.

² Внутренний дворик в римском доме.

— Кто вы такие, как вы смели войти в дом консула без приглашения?

— Мы пришли, — грек засмеялся, — что бы сообщить тебе, что ты снимаешься с должности консула, — и ударил Октавия ногой в пах. В тот же момент, на согнувшегося от боли консула посыпались удары мечами. Другие, не имея возможности действовать в тесноте оружием, топтали окровавленное тело ногами. Задыхаясь от ненависти, они остановились только тогда, когда их жертва не подавала признаков жизни.

— Что это такое? — предводитель убийц наклонился, поднял окровавленный свиток, выпавший из разорванной одежды Октавия, развернул его и стал внимательно рассматривать, — какие то знаки.

— Ну, ка покажи, — попросил, стоявший рядом этруск. — Понятно, я встречал такие вещи, это, Фессарион, — обратился он к греку — халдейский гороскоп. Знаешь, что здесь написано? — этруск коротко хохотнул, — гороскоп обещает Октавию долгую жизнь, победу над всеми врагами.

— Вот верь после этого гадателям, — Фессарион иронично хмыкнул, взял свиток и растоптал его ногами, — давайте поищем вина, может быть, найдём молоденьких рабынь, разживёмся серебром, повеселимся.

Ни когда ещё в жизни Гай Марий был так нетерпелив. Для того, что бы организовать голосование, отменявшее его изгнание, нужно было несколько дней. Эти дни казались ему нескончаемо долгими. Он метался по своей палатке, плохо спал, бессонными ночами припоминал своих врагов, которых, несомненно, без всякой жалости, будут уничтожены. Для этого он создал особый отряд, четыре тысячи личных телохранителей, названных бардиями¹С их помощью он исполнит своё обещание, данное

¹.Так римляне называли одно из иллирийских племён, отличавшихся свирепостью и кровожадностью.

безвестному карфагенскому божеству.

В день, когда народ, собравшись на форуме, стал голосовать за возвращение Гая Мария из изгнания, он не стал дожидаться результатов, двинулся в город. Он понимал, что это только формальность, если результат будет не в его пользу, то он припомнит это. И отомстит.

Гай Марий вошёл в город, после этого все городские ворота были закрыты на пять дней, что бы ни один из его врагов не мог ускользнуть от мщения. Это были жуткие дни, когда рабы, убивали своих хозяев, друзья предавали друг друга, убивали по малейшему поводу.

— Нет, не пойдёт пассум¹, давай фаленрнское вино, — Фотис указал на ряд кувшинов, стоящих на полке.

— Что это твой хозяин разбогател? — удивлённо спросил Акколей.

Раб настороженно осмотрелся, склонился к самому уху торговца и прошептал:

— Ты честный человек, поэтому я могу доверять эту тайну. Ты знаешь сам, что сейчас творится в Риме, везде убивают тех, кого Гай Марий считает своими врагами. Мой хозяин как раз приютил Марка Антония, что бы тот не погиб. Хотя он бедный человек, но, тем не менее, они друзья, потому я покупаю дорогое вино, что бы можно было угостить Марка Антония достойным образом.

Акколей понимающе закачал головой:

— Можешь мне довериться, я не кому не скажу.

Как только раб ушёл, Акколей собрался закрывать лавку, Но, тут вошли ещё три посетителя, два ремесленника и раб.

— Чего вам надо, я закрываюсь.

— Нам мультсума², — ответил один из ремесленников.

— Мне альбанское вино, мой хозяин просил — раб протянул

¹ Винный дешёвый напиток, в отличии фаленрского.

² Медовый винный напиток.

деньги.

— Давайте быстрее, я спешу, — с раздражением ответил им Акколей.

Только что прошёл дождь, улицы были скользкими от грязи, но, он очень спешил, шёл напрямую, по небольшим лужам, не боясь промочить ноги. Его тревожило то, что кто-нибудь другой раньше его мог сообщить Гаю Марию, где скрывается Марк Антоний. Он, уже представлял, как обрадует Гая Мария, как тот его вознаградит. Возможно, этих средств ему хватит на то, что бы открыть вторую лавку и прибыль его увеличится.

Акколей долго стучал в калитку дома, и, наконец, услышал чей — то пьяный голос:

— Кто там?

— Меня зовут Акколей. У меня срочное дело к Гаю Марию.

Калитка распахнулась, еле стоявший на ногах раб привратник заплетающим языком сказал:

— Проходи. У моего хозяина много гостей они пируют.

Акколей немного робея, вошёл в пиршественную залу. Вокруг пиршественных столов, уставленных дичью, рыбой, кувшинами с вином, на каменных триклиях¹ возлежало человек двадцать.

В трапезной было жарко, не смотря, на открытые окна и двери, что бы ни простыть от сквозняков, Гай Марий, укрылся лёгким покрывалом. Он поднял мутный пьяный взгляд на вошедшего Акколея, и спросил:

— Что ты хочешь?

Торговца поразил вид Гая Мария, опухшее лицо, налитые злобой глаза, тяжёлое хриплое дыхание.

— Что ты застыл, как осёл, — рявкнул лежавший справа от Гая Мария толстяк, — отвечай, когда тебя спрашивают!

От этого крика Акколей вздрогнул, заикаясь от испуга проговорил:

— Твой враг, Марк Антоний, прячется у Винима, что живёт

¹ Лежанки в пиршественных залах, на которых располагались три человека.

недалеко от рынка рабов.

Услышав это, Гай Марий отбросил покрывало, резко поднялся, радостно захлопал в ладоши:

— Хорошая новость, просто превосходная! Анний, — обратился он к толстяку, напугавшего Акколея — возьми десяток легионеров, принеси мне его голову. Это будет ценный подарок.

Анний, недовольно ворча, поднялся, шаткой походкой покинул зал.

— Ты ещё, что то хочешь сказать? — обратился к Акколею Гай Марий.

— Ни чего, — тот в нерешительности потоптался на месте, решившись, спросил, — я хотел бы спросить, положено ли мне какое — либо вознаграждение?

— Какое ещё вознаграждение? — Гай Марий грозно взглянул на просителя, поднял палец, — ты исполнил долг гражданина Рима, разоблачил врага! Долг, понимаешь? Каждый должен поступать так. Теперь, иди, ты свободен, — и махнул в сторону двери.

Анний, с десятком воинов, остановился возле дома Винима, один из легионеров предложил:

— Мы не знаем, сколько человек скрывается в доме. Если начнём ломать дверь, они услышат шум, могут вооружиться и дать нам отпор. Лучше скрытно пробраться внутрь. Для этого нам нужны лестницы, что перебраться через стену. Их можно взять в соседних домах, подальше отсюда, что бы ни было слышно шума.

Анней в знак согласия кивнул головой. Через некоторое время воины вернулись, неся с собой две лестницы:

— Я не полезу, — у Анния шумело в голове от вина, немного подташнивало от обильной пищи, — вы там недолго возитесь, отрубите голову Марку Антонию, и возвращайтесь обратно.

Воины поставили одну лестницу к внешней стороны стены, один из них залез на ограду, ему подали вторую лестницу. Он опустил её во двор, спустился вниз, вслед за ним последовали

остальные.

Как не старались они соблюдать тишину, их услышали. Во двор вышел сам Марк Антоний.

Он шёл медленно, твёрдой походкой. На его красивом, волевом лице не было ни страха, ни волнения. Он смотрел прямо перед собой решительно и смело. Легионеры замерли, все забыли, для чего они пришли сюда, ни кто не решался нанести первый удар. Марк Антоний остановился в двух шагах от них:

— Я знаю, зачем вы пришли, — начал он говорить зычным спокойным голосом, — вы пришли убить меня. Как видите, я смерти не боюсь и готов к ней. У меня к вам такой вопрос: боитесь ли вы своей гибели? Вы сейчас хозяева города, творите, что хотите, убиваете, грабите. Ни чего удивительного, когда вами руководит Гай Марий, человек, потерявший всякую честь и совесть. Если он и его прихлебатели ещё могут в случае опасности скрыться, то куда денетесь вы? У вас есть добрые друзья и покровители, которые укроют вас в том случае, когда вернётся Сулла? А, он вернётся. Поверьте мне, он не останется равнодушным, к тому, что здесь творилось. И начнёт искать виновных, будет преследовать их везде, докуда сможет дотянуться. Найти вас легко. Вы, где только возможно, напившись дешёвого вина, рассказывали, когда и кого вы грабили и убивали. Люди слушали вас, запоминали ваши лица и имена. Когда Сулла вернётся, эти люди побегут к нему с доносами на вас, что бы выслужиться перед ним. Ваша участь будет нелегка, ваши головы будут нести к нему, как сейчас вы носите головы к Гаю Марию. Что бы вам спастись, уже нужно думать сейчас. Бегите отсюда, вы имеете немало награбленного серебра и держите язык за зубами.

Анний уселся на нижнюю ступеньку лестницы и стал ждать возвращения легионеров. Ему не терпелось вернуться на пир. Там была одна привлекательная белокурая рабыня, гречанка, игравшая на кифаре. Он хотел попросить Гая Мария её утех. Надеялся, что тот не откажет, согласие самой девушки ни к чему, кто будет слушать и учитывать желание самой рабыни.

Палачи всё не появлялись, это начало раздражать Анния. Он, кряхтя и ругаясь, начал подниматься по лестнице. Ему тучному и малоподвижному это было нелегко, он даже вспотел. Поднявшись на стену, он увидел, что легионеры стоят возле говорящего что-то Марк Антоня и не двигаются с места. Это так возмутило его, что Анний, с поспешной быстрой, для его неуклюжего тела, спустился во двор.

— Дай сюда меч, — обратился он к крайнему легионеру, вытащил сам из ножен оружие, сделал шаг к Марку Антонию, ударил его в живот мечом. Тот согнулся, упал на землю, кровь растекалась по каменным плитам. — Отошли все в сторону, — проворчал Анний, подошёл к лежащему телу сбоку, — всё приходится делать самому, — размахнулся, намереваясь одним ударом отрубить Марку Антонию голову. Но, удар вышел неловким и слабым, Аннею пришлось ещё пять раз рубить, прежде чем голова отделилась от тела. Забрызганный кровью, он возвратил окровавленный меч легионеру, приказал ему, — найди в доме какую-нибудь тряпку заверни голову в неё и пошли отсюда, не будем заставлять Гая Мария ждать — подумал: «Хорошо хоть обратно выйду через калитку, а не лезть по лестнице».

Солнце уже начинало садиться, и в таблиннии Луция Катттула было сумрачно. Так же сумрачно было у него на душе. Перед ним стояла чаша с вином. Он пил его, как говорили, по-скифски, не разбавляя водой¹, отхлёбывая небольшими глотками. Дверь тихонько скрипнула, он увидел входящего Квинта Сертория. Они были давними знакомыми, вместе сражались против кимров. Луций Каттул внимательно взглянул в глаза вошедшего посетителя. Тот отрицательно покачал головой.

— Понятно, — с тяжким вздохом произнёс Луций Каттул.

— Поверь мне, — с отчаянием в голосе начал свою речь

¹ Римляне, как и греки, пили вино, разбавляя его водой, пить неразведённое вино считалось варварским обычаем.

Квинт Серторий, — мы сделали всё, что бы спасти тебя. Очень многие просили за тебя, но, Гай Марий был непреклонен. «Он должен умереть», — это его ответ на многочисленные просьбы.

— Я смерти не боюсь, мне приходилось много раз видеть её в бою. Только не думал, что придётся мне умереть не от вражеского оружия, а от человеческой подлости и зависти. Только за то, что я, как и он, был награждён триумфом за победу над кимврами. При чём, он сам, тогда, предложил мне разделить победу. Это было справедливо. И где сейчас его честность? Неужели уже тогда, его тщеславие, умело скрываемое, не давало Гаю Марию покоя? Не могу понять, что же произошло, или он всегда был таким, просто скрывал свою кровожадную сущность.

В ответ Квинт Серторий только неопределённо пожал плечами:

— Людям свойственно меняться, и не всегда в лучшую сторону.

— Но, почему ты, Квинт Серторий, человек благороднейший, служишь переродившемуся человеку?

— Неужели не понятно? — Квинт Серторий горько усмехнулся, — я просто хочу жить.

— Ну, что же, — Луций Катул встал, — передай Гаю Марию, что его приказ исполнен. Скажи, что Луций Катул, проконсул, победитель кимвров умер.

— У тебя есть возможность бежать.

— Зачем? Что бы жить в страхе, ожидая, что какой-нибудь негодяй, движимый злобой или алчностью, укажет, где я скрываюсь, и меня убьют как Марка Антония? Не хочу, прожить остаток жизнь прячась, как крыса.

— Что же, это твой выбор, прощай.

— И ты прощай, Квинт Серторий. Только вот мне кажется, что Гай Марий погубит и тебя.

— Время покажет.

— Ты прав, время всё расставит по своим местам, воздаст по заслугам преступникам.

Как только дверь за Квинтом Серторием закрылась, Луций

Катул вызвал раба:

— Отправляйся в эргастул¹, — раб с испугом посмотрел на своего господина, хотел спросить: «За что меня отправляют в тюрьму?», но не успел вымолвить и слова, как Луций Катул продолжил, — принеси оттуда большую охапку соломы.

Немного удивившись этому приказу, раб через некоторое время вернулся с соломой.

— Положи солому в углу. И вот ещё, — Луций Катул протянул рабу свиток, — ты мне хорошо служил, поэтому я тебе, твоей семье, ещё сорока рабам дарую свободу. На днях об этом объявят в народном собрании, вы станете вольноотпущенниками.

— Благодарю вас, мой господин, — радостно воскликнул раб, — мы будем верно, служить вам и вашей семье как вольноотпущенники.

— Сейчас ступай отсюда, вели ни кому не беспокоить меня до утра.

Когда раб удалился, Луций Катул разжёл жаровню, отобрал несколько пучков самой гнилой соломы, полил водой, кинул их на тлеющие угли. Он стал на колени, склонился над жаровней, начал вдыхать сизый дым. Его глаза слезились, лёгкие разрывались от боли, голова кружилась, тошнота подкатывала к горлу, но, он упорно продолжал дышать этой гарью. Сознание помутилось, Луций Катул потерял сознание, упал на пол, рядом с жаровней, дым заполнил весь таблинум.

Утром раб, войдя в дом, сразу почувствовал запах дыма. Испугавшись, что начинается пожар, он кинулся в спальню, но там господина не оказалось. Открыв дверь таблинума, увидел потухшую жаровню, в которой дотлевали угли. Когда дым немного рассеялся, он обнаружил на полу мёртвое тело Луция Катула. Раб зарыдал.

¹ Эргастул — тюрьма для провинившихся рабов, имелась в каждом доме, где были рабы.

Между тем убийства в Риме нарастали. Особенно в этом усердствовали бардии Гая Мария. Они оцепляли квартал, врываются в дома, вытаскивали на улицу указанных им людей, безжалостно умерщвляли. Хоронить их запрещалось.

По улице, где днём было совершено такое преступление, двигались три человека. В руках у одного был факел. Двое внимательно осматривали в темноте тела убитых, третий освещал им дорогу.

— Вот этот вроде похож фигурой. Давай перевернём его. Кокидиус, посвети.

Человек с факелом склонился над трупом:

— Нет, он лицом совсем не похож. Надо ещё искать.

— Не надо, Окинос. Сделаем проще. Посматривай по сторонам, что бы ни кто нас не видел, — Кокидиус отошёл в сторону, нашёл камень. Размахнулся и два раза ударил мертвеца, превратив лицо в кровавую маску из разбитых костей. — Давайте переоденем его быстро, на палец наденем вот это, — он вытянул из-за пазухи лацерну пурпурного цвета и золотой перстень с рубином.

Они переодели мертвеца, одели на палец кольцо, подняли тело и понесли. Не успели пройти несколько десятков шагов, как грубый окрик остановил их:

— Кого это вы несёте?

Обернувшись, увидели несколько легионеров, бережно опустили свою ношу на землю:

— Мы рабы Корнута, несём нашего господина, что бы достойно похоронить. Он был хорошим человеком, заботился о своих рабах. Опознали мы его по одежде, он очень любил ходить в лацерне¹ пурпурного цвета, и вот по этому перстню, — Окинос снял перстень, протянул его легионеру, который остановил их, — возьмите перстень в память нашего господина.

Легионер полюбовался рубином, надел себе и сказал:

¹ Продолговатый и открытый спереди плащ, одеваемый поверх тоги.

— Хорошо, несите дальше. Если вам встретится ещё кто-нибудь, и задаст тот же вопрос, что и я, не говорите, что несёте своего господина, убитого по приказу Гая Мария. Скажите, что с ним случился несчастный случай, ну, там, упал с колесницы. Знаете ведь, что, таких убитых, как он, хоронить запрещено, — посоветовал легионер.

— Спасибо, добрый человек, — поблагодарил Окинос.

Когда рабы скрылись, легионер сказал своим товарищам:

— Если я разбогатею, хотел бы иметь таких же верных рабов.

— Что бы иметь таких верных рабов, надо быть к ним снисходительным, а у тебя я не замечал таких качеств. Можно быть снисходительным за такой подарок, что тебе дали рабы. Кстати, не думаешь ли ты оставить перстень себе, Руфус? — спросил один из них.

— Не злись, — Руфус поднёс руку с перстнем к лицу, полюбовавшись огненно-красным рубином, — есть у меня один знакомый, хорошие деньги даст за эту безделушку, погуляем. Только смотрите, — предупредил он, — не вздумайте болтать, что мы позволили похоронить этого Корноута, а то всем достанется.

Судьба настоящего Корноута сложилась удачно, с помощью верных рабов ему удалось скрыться из Рима и найти убежище в Галлии.

Гай Марий шёл в свой дом. Давно минули те времена, когда он мог свободно разгуливать по улицами Рима. Сейчас же он не мог и шага без своих телохранителей. Слишком многие мечтали уничтожить его.

Тяжкие думы овладели Гаем Марием. Стали доходить слухи, что Сулла, победил Митридата и возвращается в Рим. С кем ему придётся сражаться против легионов Суллы? С этими своим бардиями, способными только убивать беззащитных, грабить их дома. Сколько было об них сломано виноградных лоз¹, а всё без

¹ Виноградная лоза использовалась для наказания легионеров.

толку, как были стадом баранов, так и остались.

«Приветствую тебя», — услышал

Гай Марий. Он повернул голову, увидел человека, одетого в сенаторскую тогу.

«А, это Анхария, сенатор и бывший претор. Что -то он постарел сильно», — подумал Гай Марий, проходя мимо.

За его спиной раздался шум, и отчаянный крик: «За что?». Гай Марий повернулся и увидел, как несколько бардиев повалили Анхарию на землю и пронзили его мечами.

— Зачем вы это сделали? Разве я приказывал вам убить этого человека? — спросил Гай Марий.

От толпы убийц к нему направился огромный фракиец, с тупым лицом и на ломаной латыни пояснил:

— Он приветствовал, ты отвечал. Он твой друг. Он приветствовал, ты не отвечал. Он твой враг. Твой враг надо убить. Мы всех твоих врагов убьём.

«Не дурно придумано», — мелькнула мысль, — как я сам до этого не догадался?».

С этого дня, каждый, кому он не отвечал, уничтожался на месте. Люди боялись выйти из дома, заведя шестие Гая Мария и бардиев, пытались скрыться. Ни кто не знал, что взбрѣдет ему в голову, кого он посчитает своим врагом.

Между тем, слухи о скором возвращении Суллы всё больше заполняли город. Многие, обогатившиеся за счёт врагов Гая Мария, поспешили покинуть Рим, унося с собой богатую добычу.

Всѣ это очень волновало Гая Мария. Ему начало казаться, что вот сейчас откроются двери и войдѣт Сулла, с мечом в руке. Он отгонял это видение, но, оно всплывало постоянно в его сознании днѣм и ночью. Стараясь заглушить свою тревогу, Гай Марий предавался неудержимому пьянству, пиры в его доме не прекращались. Томительное ожидание прибытия Суллы совсем измотало, лишило силы воли. Он даже довольно безразлично воспринял избрание консулом в седьмой раз.

Ещё хуже было то, что у него пропал сон. Находясь на пиру, он мог забыться в полудрѣме на краткое время. Но, даже в таком

состоянии ему всё чудился входящий с мечом Сулла.

Через несколько дней, утром, очнувшись от своего забытья, он почувствовал боль в правом боку.

«Принесите вина», — Гай Марий дико зарычал, сделал большой глоток, но, его тут же вырвало. Он обессилено упал на ложе, тяжело дыша. — «Позовите сына», — приказал он.

Сразу же он впал в сумеречное состояние. Его мысли метались, сознание путалось, неясные грёзы овладели им.

«Сулла, Сулла, где Сулла? Говорят на войне с Митридатом. Не может быть! Я же его убил, когда он прятался в моём доме. Это я воюю с Митридатом. Где мои легионы? Вот они!».

Ему казалось, что он стоит во главе легионов, выстроившихся в боевой порядок на огромной равнине. Ярko блещут шлемы, раздаются звуки военных труб, в руках центурионов символы легиона — аквила, серебряный орёл.

Напротив них беснуется огромная орда варваров. Сам Митридат впереди на белом коне, с огромным мечом несётся на стройные ряды легиона.

Гай Марий метает свой пилум, копьё пробивает всаднику горло.

Гай Марий выгнулся на постели, напрягся, словно, в самом деле, метал копье.

Яркая кровь заливает бороду и грудь Митридата, он падает с коня на землю.

«Барра, Барра», — яростный боевой клич вырывается из груди, воины сталкиваются в беспощадной битве. Кто-то ударил мечом в бок Гая Мария, он со стоном опускается на зелёную траву. Враг склоняется над ним, Гай Марий видит ненавистное лицо Суллы.

— Сулла, это ты? — шепчет он пересохшими губами. — Ты уже прибыл в Рим?

— Нет, — Сулла злобно рассмеялся, — я ещё не пришёл, а ты уже дрожишь от одного моего имени. Даже в отсутствие льва его логово людям ужасно, запомни это.

Другой голос заставил Гая Мария очнуться:

— Отец, это я твой сын.

Он открывает глаза, видит сына. Мучительная боль в правом боку заставила скривиться от боли.

— Дай мне руку. Как же мне больно! Слушай меня, ты должен стать консулом. Только так сможешь собрать войско. Люди придут к тебе, потому, что ты сын Гая Мария, великого полководца. Готовь людей, не теряй ни минуты. Но, прежде всего, убей всех, всех, кто сторонник Суллы, даже если в этом есть только подозрение. Иначе, они ударят тебе в спину. Остальных держи в страхе. Ты понял меня?

— Да отец, я всё понял. Мы всё это сделаем, когда ты выздоровеешь.

— Не надейся на это, я уже стар, торопись.

Сын удалился, Гай Марий, обессиливший, снова потерял сознание. Ему опять казалось, что он командует легионами, воюющими против Митридата.

«Сомкнуть щиты, приготовить пилумы! Пилумы метать! Достать гладиусы, прикрыться щитами. Коли!», — он двигал руками, как будто поражал невидимого врага, — «турмы¹, преследовать врага».

Потом ему опять явился Сулла, поражающий его в бок, он кривился и стонал от боли. Опять звучал этот грозный, оглушающий голос, который ему было невыносимо слышать: « Даже в отсутствие льва его логово ужасно людям».

Утром седьмого дня своей болезни, он пришёл в себя, что то долго и мучительно вспоминал, какое то забытое дело, которое должен был выполнить. Потом приказал вызвать к себе Квиннта Сертория. Он с нетерпением ожидал его прихода, боясь забыть, что был намерен сделать.

Когда тот пришёл, Гай Марий долго тяжело дышал, собираясь с силами. Наконец он проговорил: « Отошли завтра кого-нибудь,

¹ Турма — римский конный отряд из 30 всадников.

верного человека в Нуманцию. Пусть там найдёт стражника городской центурии Марка Манлия. И убьёт его. Я обещал этому Марку, что придёт время, он получит достойную награду за своё деяние. Так вот это время пришло. Ступай!».

Когда Квинт Серторий ушёл, Гай Марий заснул первый раз спокойным сном до самого вечера. С наступлением сумерек, его опять начали терзать видения. Но, на этот раз, ему виделась не битва, мимо него проходили люди. Он присмотрелся, узнал многих из них. Это были те, кто был убит по его приказу. Они шли перед ним нескончаемой чередой, в окровавленных тогах, со спокойными лицами, каждый из них говорил только одну фразу: «Даже в отсутствии льва, его логово ужасно людям». Они шли, шли и шли, Гай Марий удивился, сколько же людей было убито. Потом наступил мрак, который поглотил его. Он умер. Случилось это в январе 86 года до н.э.

Последнее консульство продолжалось семнадцать дней, из которых семь он пробыл в забытии с редкими проблесками разума. Но, даже в эти мгновения он, хотел крови, что бы насытить того неизвестного божка, найденного на карфагенском берегу.

Квинт Серторий, за последующими событиями совсем забыл о приказе Гая Мария убить Марка Манлия. Тот даже и не догадывался, какой опасности избежал.

ЭПИЛОГ

Возвратившийся с войны с Митридатом, Сулла в 82 году до н. э. захватил Рим. Он отомстил своему противнику Гаю Марию даже после смерти, приказал разрушить его гробницу, останки выбросить в Тибр. Добившись для себя диктаторских полномочий, Сулла составил так называемые проскрипции, списки лиц, подлежащих уничтожению. Имущество казнённых врагов передавалось государственную казну, что позволило некоторым сторонникам диктатора, как Красс, Помпей, Лукулл сильно обогатиться. Рабы за убийство лиц внесённые в эти списки получали

свободу, а свободные люди по два таланта серебра, около 40 килограммов.

Он правил несколько лет, затем отказался власти, стал жить как частное лицо. Умер, согласно Плутарху, заеденный вшами, в 78 году до н. э.

Луций Корнелий Цинна ещё дважды был избран консулом в 85 и 84 годах до н. э. Он попытался организовать сопротивление Сулле, собрал войско в Анконе, но там вспыхнул бунт, Луций Корнелий Цинна был убит.

После смерти Гая Мария, Квинт Серторий, что бы прекратить разгул убийств, захлестнувший Рим, вывел из города бардиев, под предлогом выплаты им жалования, окружил их и всех безжалостно перебил.

В благодарность за поддержку Мария, был направлен претором в Испанию. Когда Сулла завладел Римом, против него были посланы два легиона и Квинт Серторий бежал в Мавританию. По просьбе одного из племён кельтерберов, лузитан, возглавил борьбу против Рима. Несколько лет вёл войну, поддержанный племенами Испании, но 73 году до н. э. был предательски убит на пиру в результате заговора, устроенным своим подчинённым Перпеной.

Гай Марий — младший стал консулом в 82 году до н. э. в возрасте 27 лет, что гораздо ниже возраста избрания. Он проявил такую же жестокость, как и отец, безжалостно убивая всех, кого считал своим врагом.

Сын не унаследовал воинских талантов отца, был разбит в первой же битве под Сигнеей, бежал в Пренесте. Там его окружили легионы верные Сулле в 82 году до н. э. Попытки вырваться из окружения оказались безуспешны, город сдался на милость победителей. Гай Марий — младший скрылся в катакомбах, видя своё безвыходное положение, решил умереть. Существует несколько версий смерти. По утверждению некоторых историков, его задушил сподвижник Понтий Телезин, или брат Телезина. По другим сообщением, он покончил жизнь самоубийством или был убит сулланцами, сторожившими у выхода из катакомб. Уви-

дев отрубленную голову своего врага Сулла, сказал: «Сначала надо стать гребцом, а потом управлять рулём».

Это были последние годы римской республики. Юный Гай Юлий Цезарь в мыслях уже строил грандиозные планы своего будущего.

Сергей Мельников

Гай Марий
Кровавые страницы истории

В книге описываются события, происходящие в Древнем Риме последних лет республики. Гай Марий, выдающийся политик, бывший семь раз консулом, рвётся к единоличной власти, не останавливаясь ни перед какими препятствиями, уничтожая своих противников. Из национального героя он превращается в убийцу. В книге показана губительная роль безграничной власти одного человека, как для личности, так и для государства.

ISBN 978-5-4485-0200-2

9 785448 502002 >